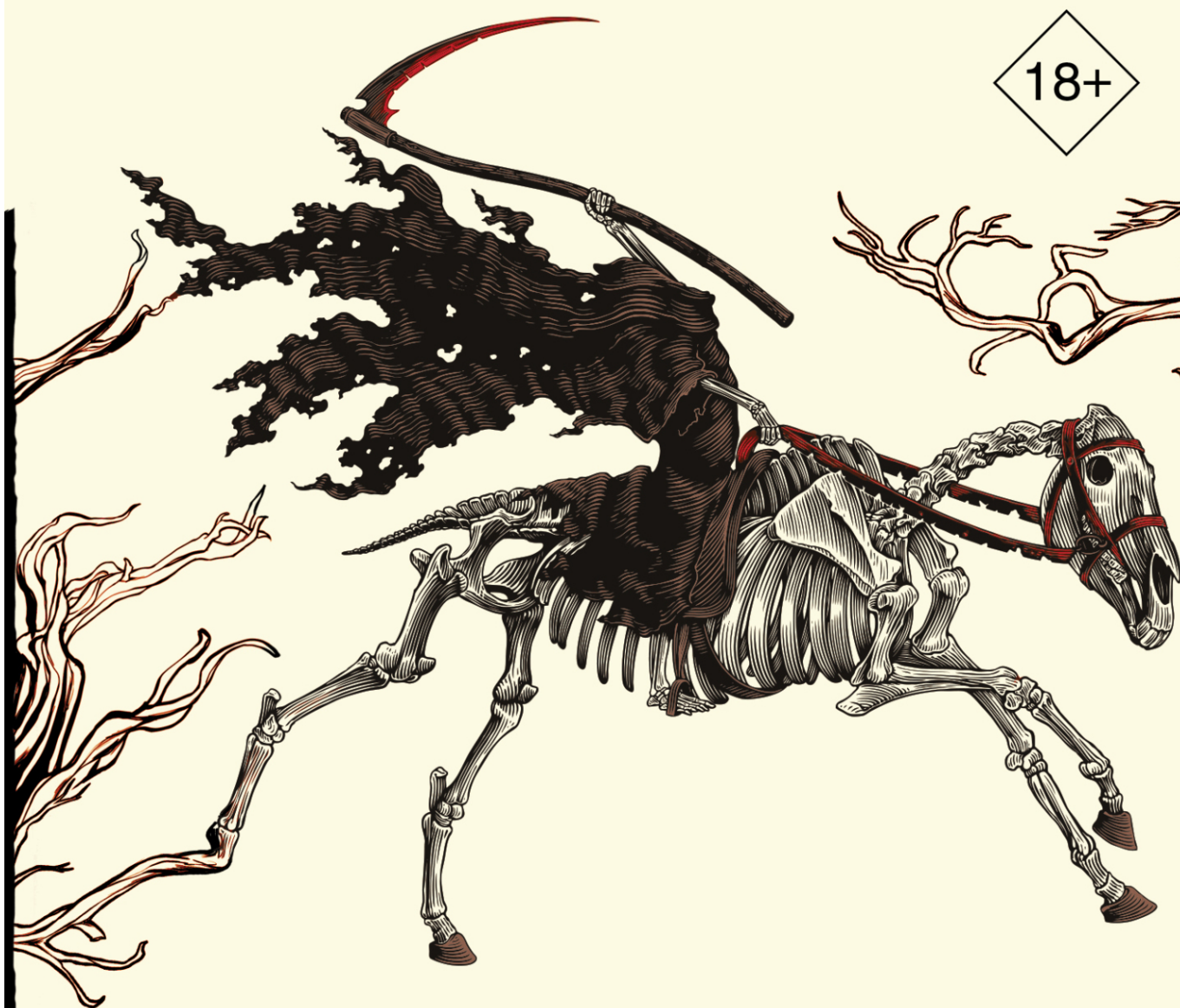

ВСАДНИК

ЛЕГЕНДА СОННОЙ ЛОЩИНЫ

18+

КРИСТИНА ГЕНРИ

ЗЛЫЕ СКАЗКИ КРИСТИНЫ ГЕНРИ

Злые сказки Кристины Генри

Кристина Генри

Всадник. Легенда Сонной Лощины

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Генри К.

Всадник. Легенда Сонной Лощины / К. Генри — «Издательство АСТ», 2021 — (Злые сказки Кристины Генри)

ISBN 978-5-17-157722-3

В Сонной Лощине время словно остановилось. Деревня как будто застыла внутри мыльного пузыря – а может, ее сковали какие-то чары, потому она и остается все той же, не растет и не изменяется. Местные жители никогда не пересекают границу леса. Они верят, что там обитают мистические существа: ведьмы, гоблины, призраки... и Всадник, из-за которого больше тридцати лет назад исчез школьный учитель. Правда, Бром Бонс, участник тех давних событий, утверждает, что Всадник – это всего лишь плод суеверий. Бен ван Брунт обнаруживает в лесу безголовое тело мальчика и начинает сомневаться в словах своего дедушки Брома. Может быть, Всадник все-таки существует и снова вышел на охоту? Или же в лесах скрывается нечто иное, еще более зловещее и неизведанное?

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-157722-3

© Генри К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Один	7
Два	16
Три	25
Четыре	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кристина Генри Всадник. Легенда Сонной Лощины

Всем бабочкам

Christina Henry
HORSEMAN

Печатается с разрешения *Nova Littera SIA*.

Перевод с английского *Валерии Двининой*

Русификация обложки *Екатерины Климовой*

Text copyright © 2021 by Tina Raffaele
© В. Двинина, перевод на русский язык
© Издательство «АСТ», 2023

Часть первая

Кажется, будто над этой землей витают какие-то клонящие долу дремотные чары, которыми насыщен тут самый воздух... Несомненно, однако, что это место и поныне продолжает пребывать под каким-то заклятием, заморозившим умы его обитателей, живущих по этой причине среди непрерывных грез наяву. Они любят всяческие поверья, подвержены экстатическим состояниям и видениям; пред ними зачастую витают необыкновенные призраки, они слышат какую-то музыку и голоса.

Вашингтон Ирвинг, «Легенда о Сонной Лощине»¹

¹ Здесь и далее перевод А. Бобовича.

Один

Конечно, о Всаднике, несмотря на все старания Катрины, мне было известно. Если кто-то где-нибудь в пределах моей слышимости поднимал эту тему, Катрина тут же шикала на болтуна и косилась в мою сторону, как бы требуя: «Не говорите об этом при ребенке!»

Скажем прямо, разведать все, что мне хотелось узнать о Всаднике, было не так уж сложно, ведь дети всегда видят и слышат больше, чем полагают взрослые. Кроме того, историю о Всаднике без головы очень уж любили в Сонной Лощине – ее рассказывали и пересказывали едва ли не с момента основания деревни. Так что расспрашивать Сандера мне было практически не о чем. Кто ж не знает, что Всадник искал свою голову, поскольку ее у него не было. Потом Сандер поведал мне о школьном учителе, похожем на журавля и с журавлиной фамилией², о том, как тот пытался ухлестывать за Катриной, и о том, как однажды ночью Всадник этого учителя унес и никто его больше уже не видел.

В моих мыслях бабушка и дедушка всегда были Катриной и Бромом, ведь легенда о Всаднике и журавле, о Катрине и Броне была неотъемлемой частью истории нашей Лощины, накрепко вплетенной в наши сердца и умы. Конечно, вслух по именам их было не назвать – Бром, пожалуй, не стал бы возражать, а вот Катрина очень сердилась, когда к ней обращались как-то иначе, кроме как «ома»³.

Всякий раз, когда кто-либо упоминал Всадника, в глазах дедушки появлялся какой-то лукавый блеск, и Бром начинал тихонько посмеиваться. Катрина тогда раздражалась еще сильнее, что заставляло полагать, будто Бром знает о Всаднике куда больше, чем говорит. Позже обнаружилось, что это, как и многое другое, было одновременно и так и не так.

В день, когда Кристоффеля ван ден Берга нашли в лесу без головы, мы с Сандером играли у ручья в «соннолощинских». Мы часто играли в эту игру. Интереснее было, конечно, когда народу много, но присоединиться к нам никто никогда не хотел.

– Значит, я буду Бромом Бонсом, который гонится за свиньей, а ты – Маркусом Баасом, и ты взберешься на то дерево, когда свинья приблизится. – Мой палец указал на клен, до низких ветвей которого Сандер мог с легкостью дотянуться.

Он, к вящей своей досаде, все еще оставался ниже меня ростом. Нам было по четырнадцать, и он полагал, что и ему пора вытянуться, как вытянулись уже многие мальчишки Лощины.

– Почему ты всегда Бром Бонс? – поморщился Сандер. – А я всегда тот, кого загоняют на дерево или на чью голову выплескивают эль.

– Он *мой* опа⁴. Кому же еще его изображать?

Сандер пнул подвернувшийся под ногу камень, и тот полетел в ручей, напугав зависшего под самой поверхностью лягушонка.

– Скучно играть, если никогда не становишься героем, – заявил он.

А ведь и правда, Сандер всегда был тем, кому достаются тычки и колотушки (потому что мой опа был несколько грубоват – уж мне-то это было известно, хотя моя любовь к нему превосходила любовь к чему бы то ни было на свете, – а мы постоянно играли в юного Брома Бонса и его банду). Поскольку Сандер был моим единственным другом и мне не хотелось его терять, следовало, пожалуй, уступить – пускай будет так, как хочется ему, по крайней мере в этот раз. Однако мне важно было сохранить возможность диктовать свои условия («ван Брунт

² *Crane* (англ.), Крейн – журавль.

³ * Ома (гол.) – бабушка.

⁴ Опа (гол.) – дедушка.

никогда ни перед кем не склоняет голову», как говаривал Бром), так что мне пришлось изобрести внутреннюю борьбу.

– Ну, можно попробовать. Только, знаешь ли, это куда труднее. Тебе надо будет очень быстро бежать и одновременно очень громко смеяться, а еще не забывать, что ты гонишься за свиньей, и правильно хрюкать. Смеяться надо в точности как мой опя – оглушительно и заразительно. Ты *действительно* можешь все это сделать?

Сандер просиял:

– Могу, правда могу!

– Ладно. – Глубокий вздох был призван показать, что я не очень-то ему верю. – Я останусь тут, а ты отойдешь туда, а потом вернешься, гоня свинью.

Сандер покорно потрусил в сторону деревни, затем развернулся и надулся, чтобы казаться крупнее. И побежал ко мне, хохоча что есть мочи. Довольно громко, надо было признать, но совсем не так, как мой опя. У меня никогда не возникало сомнения: никто не умел смеяться так, как Бром. Смех дедушки – он был как рокот грома, накатывающийся, накатывающийся, а потом всей мощью обрушивающийся на тебя.

– Не забывай хрюкать.

– Хватит беспокоиться о том, что я делаю, – отозвался Сандер. – Ты у нас сейчас Маркус Баас, беззаботно несущий корзинку с провизией Арабелле Виссер.

Пришлось повернуться к Сандеру спиной, изображая, будто я тащу корзину, – на лице сама собой возникла самодовольная ухмылка, пускай Сандер и не мог ее увидеть. Мужчины, увивающиеся за женщинами, всегда казались мне баранами – все их достоинство улетучивалось, когда они кланялись да расшаркивались. А Маркус Баас и так выглядел баран-бараном – со своей-то круглой и плоской как блин физиономией и полным отсутствием подбородка. При виде Брома он всегда хмурился, пытаясь напустить на себя свирепость. А опя смеялся над ним, потому что всегда смеялся над всем и всеми, а мысль о том, что Маркус Баас может быть свирепым, была слишком глупа, чтобы рассматривать ее всерьез.

Сандер зафыркал, но, с его тонким голосом, свиньи из него не вышло – получился, скорее, скулеж забытой в гостинной маленькой собачонки.

Нет, надо было сказать Сандеру, чтобы хрюкал нормально. Пришлось разворачиваться – и тут мне послышался...

Топот лошадей. Нескольких, судя по звуку. Нескольких лошадей, спешащих в нашу сторону.

А Сандер, похоже, ничего не слышал – он вприпрыжку несся ко мне, размахивая перед собой руками и отвратительно хрюкая.

– Стой!

Сандер с удрученным видом затормозил.

– Не так уж я был плох, Бен.

– Да не в этом дело. Слушай.

– Лошади, – кивнул Сандер. – Быстро бегут.

– Интересно, куда они так торопятся? Давай спустимся к воде, чтобы нас не увидели с тропы.

– Зачем?

– Говорю же, чтобы нас не увидели.

– Но почему мы не хотим, чтобы нас увидели?

– Потому что, – пришлось нетерпеливо поманить Сандера, чтобы он шел за мной, – если они нас увидят, то могут отругать за то, что мы играем в лесу. Знаешь же, большинство местных думает, будто в лесу водятся привидения.

– Глупости, – фыркнул Сандер. – Сколько времени мы здесь проводим и никогда не видели никаких привидений.

– Вот именно.

Впрочем, ответ мой был не совсем искренним. Однажды мне послышалось что-то непонятное, а еще иногда казалось, будто, пока мы играем, кто-то следит за нами. Впрочем, слежка эта вроде бы не таила в себе угрозы.

– Хоть Всадник и живет в лесу, но точно не в этих местах, – продолжил Сандер. – Есть еще, конечно, ведьмы и гоблины, хотя их мы тоже никогда не видели.

– Да-да. Они тоже живут не здесь, верно? Мы тут в полной безопасности. Так что давай спускайся к воде, если не хочешь, чтобы нашей игре помешал какой-нибудь ворчливый взрослый.

Мне совершенно не хотелось влипать в неприятности, но просто необходимо было понять, куда это так спешат всадники. Если они нас заметят – ничего узнать не удастся как пить дать. Есть у взрослых такая скверная, раздражающая привычка – говорить детям, чтобы они не лезли не в свое дело.

Присев на корточки, мы затаились на берегу, у самой кромки воды. Мне пришлось хорошенько поджать ноги, иначе они оказались бы в воде, а Катрина непременно оборвет мне уши, заявись я домой в мокрых носках.

Ручей, у которого мы любили играть, почти везде протекал вдоль тропы, служившей всем главной дорогой через лес. Тропой пользовались в основном охотники, но даже на лошадях они никогда не осмеливались пересекать некую воображаемую границу, за которой деревья росли особенно густо и обитали ведьмы, и гоблины, и Всадник. Куда бы ни мчались через чащу наездники, едва ли цель их была дальше мили от того места, где устроились, выглядывая из-за насыпи, мы с Сандером.

Не прошло и нескольких секунд, как мимо нас пронеслась группа всадников. Их было с полдюжины – и среди них, к моему глубочайшему удивлению, обнаружился Бром. Бром, у которого было так много своих хозяйственных забот, что обычно он оставлял повседневные деревенские дела другим. Значит, случилось что-то действительно серьезное, если уж он покинул ферму в самый разгар сбора урожая.

Ни один мужчина не смотрел по сторонам, так что никто и не заметил наших макушек. Впрочем, всадники, похоже, вообще ничего не замечали. И выглядели мрачными, особенно мой опя, который, кажется, никогда и ни из-за чего не мрачнел.

– Пошли.

Мы выбрались обратно на тропу, и тут обнаружилось, что у меня вся куртка в грязи, особенно спереди. Нет, Катрина определенно открутит мне ухо.

– Если побежим что есть духу, догоним их.

– Зачем? – спросил Сандер.

Будучи несколько тяжелее меня, он не слишком любил бегать, предпочитая неторопливую ходьбу.

– Ты что, не видел, как они мчались? Уж точно не на охоту. Что-то стряслось.

– И? – Сандер вскинул взгляд к небу. – Время обеденное. Пора возвращаться.

Ну конечно, упустив шанс сыграть Брома Бонса, он думал теперь только о том, как набить пузо. Ему было совершенно плевать на то, что случилось в лесу. Меня же терзало жуткое любопытство. Что могло заставить всадников так спешить? Жизнь в Лощине не славилась захватывающими событиями. Дни тут по большей части соответствовали названию деревни – они были *сонными*. Несмотря на это – а может, именно поэтому, – мне всегда и все было интересно, и Катрина не уставала напоминать мне о том, что любопытство не добродетель.

– Ну, давай просто пройдем за ними немного. Если они заедут слишком далеко, мы сразу вернемся.

Сандер вздохнул. Ему и впрямь не хотелось никуда идти, но он, как и я, не хотел терять единственного друга.

– Хорошо. Пойдем. Недалеко. Но учти, я голоден и, если в скором времени не случится ничего интересного, отправлюсь домой.

– Отлично.

Никуда он без меня не мог отправиться, а у меня намерения возвращаться не было, пока мы не выяснили, куда и зачем поскакали всадники.

И мы пошли, стараясь находиться поближе к ручью – и держа ушки на макушке, ловя топот копыт. Что бы ни задумали взрослые, им наверняка не хотелось, чтобы дети отирались поблизости – как всегда, когда происходит что-нибудь интересное, – поэтому нам следовало хранить свое присутствие в тайне.

– Если услышишь, что кто-то приближается, просто спрячься за дерево.

– Знаю я, – огрызнулся Сандер.

Он тоже весь перемазался, но пока этого не заметил. Теперь Сандера ожидало немало «веселых» часов – уж как примется мать его распекать. Не зря ее крутой нрав вошел в легенды Лощины.

Мы шли всего-то минут пятнадцать и вдруг снова услышали лошадей. Они фыркали, негромко ржали и били копытами, словно пытаются убежать от своих хозяев.

– Лошади нервничают.

Мы пока ничего не видели, и оставалось только гадать, что так растревожило животных.

– Тсс, – шикнул на меня Сандер. – Услышат!

– Никто нас не услышит, шумно же.

– Тебе вроде хотелось подобраться к ним так, чтобы нас не заметили и не отослали обратно в деревню?

Что ж, мне оставалось лишь поджать губы и промолчать – как всегда, когда Сандер оказывался прав.

Деревья – каштаны, сахарные клены, ясени – росли очень близко друг к другу, их листья только-только начали скручиваться по краям, меняя свежую летнюю зелень на цвета осени. В небе толкались рваные облака, то и дело заслоняя солнце, и по земле скользили странные тени. Мы с Сандером крались вперед, бок о бок, касаясь плечами, и старались держаться у самых стволов, чтобы спрятаться за ними, если увидим кого-нибудь. Ступали мы бесшумно – это мы умели,

не в первый раз приходилось пробираться туда, где нам быть не полагалось.

Сначала послышались мужские голоса. Потом в ноздри ударил запах – напоминающий вонь разделываемого оленя, только еще хуже. Пришлось даже прикрыть ладонью рот и нос и вдыхать запах сырой земли, а не той гнили, которую нашли всадники, благо руки мои покрывал толстый слой подсыхающей грязи.

Мужчины стояли на тропе полукругом, спинами к нам. Бром на голову возвышался над всеми и, хотя и был старшим в группе, он был еще и шире всех в плечах. Волосы он, как и в молодости, заплетал в косу, и то, что опа уже не молод, выдавали лишь седые пряди в черной шевелюре. Остальных пятерых было не разглядеть, они отвернулись, но мы увидели, что все были одеты в зеленые и коричневые шерстяные куртки, домотканые бриджи и высокие кожаные сапоги по моде двадцатилетней давности. Стены нашего дома украшали миниатюры и наброски, изображающие Катрину и Брома в юности. Лица их изменились, а вот наряды – нет. Многое в Лощине никогда не менялось. Одежда в том числе.

– Хочу увидеть, на что они смотрят.

Мой шепот щекотнул ухо Сандера, и он, несколько позеленевший, морща нос, отмахнулся от меня, как от назойливой мухи:

– А я не хочу. Воняет ужасно.

– Ладно.

Его ответ не слишком меня порадовал. Конечно, Сандер был моим единственным другом, но порой ему жутко доставало тяги к приключениям.

– Оставайся здесь.

– Погоди, – зашипел он мне в спину. – Не подходи слишком близко.

Ничего-ничего, копошились мысли в голове, пускай постоит поодаль. Вот как раз подходящее дерево – высокий клен с толстым комлем и длинными, нависающими над самой тропой ветвями. Нужно было только обвить ногами ствол, проползти немного, ухватиться за ближайший сук и подтянуться – и вот уже сквозь листву виднелись макушки мужчин. Но на что они устались, пока разглядеть не получалось. Значит, следовало перебраться на другую ветку, немного передвинуться...

Лучше бы мне было остаться на земле, рядом с Сандером!

Сразу за кругом мужчин лежал мальчик – или, точнее, то, что от него осталось. Он лежал на боку, с полусогнутой ногой, как небрежно брошенная в угол тряпичная кукла. При виде ребенка, валяющегося на земле, точно забытый мусор, сердце мое наполнилось печалью.

А еще от этого зрелища где-то на задворках сознания что-то мелькнуло – призрак мысли, подобие воспоминания. Мелькнуло и тут же исчезло, не дав себя поймать.

Мальчик был в простых домотканых штанах, рубахе и коричневой шерстяной куртке вроде моей собственной. И в мягких мокасинах. Только по ним и можно было опознать Кристоффеля ван ден Берга – его семья была слишком бедна, чтобы позволить себе хорошие кожаные башмаки

с жесткой, подбитой гвоздиками подошвой, так что все они носили мягкую обувь, как у ленапе⁵. Да, только по мокасинам его и можно было опознать. Ведь голова у мальчика отсутствовала. Как и кисти.

И голову, и кисти, похоже, неумело отделили от тела. На запястьях лохматились клочья кожи, а из обрубка шеи, на том месте, где была некогда голова Кристоффеля, торчал зазубренный конец переломленного позвоночника.

Не слишком мне нравился Кристоффель. Он был беден, и Катрина всегда говорила, что мы должны с состраданием относиться к нуждающимся, но Кристоффель был настоящим хулиганом, всегда искавшим случая выместить на ком-то свои обиды. Он якшался с Юстусом Смитом и еще с несколькими мальчишками, настолько серыми и бесхарактерными, что о них и говорить-то не стоило.

Однажды Кристоффель прицепился ко мне – и заработал разбитый в кровь нос, за что Катрина наградила меня лекцией о правильном поведении (даже не припомню, которой по счету; никогда не слушаю эти нотации), а Бром похлопал по плечу, согрев тем мое сердце, несмотря на крики Катрины.

Да, мне не нравился Кристоффель, но он не заслуживал смерти. Тем более – такой кошмарной. Хорошо, что Сандер не видел. Желудок у него был слабоват, и он тут же выдал бы нас, окатив его содержимым стоящих внизу людей.

На тропе темнели пятна крови. Мужчинам, кажется, не хотелось приближаться к телу – то ли из уважения, то ли из страха, точно определить мне не удалось. Они тихо переговаривались – слишком тихо, чтобы можно было разобрать хоть слово. И все лошади рвались с поводьев – все, кроме Донара, черного жеребца Брома, настоящего великана, на три локтя возвышающегося над прочими. Он стоял спокойно, и понять, что он тоже встревожен, можно было лишь по тому, как конь нервно раздувал ноздри.

Наконец Бром тяжело вздохнул и сказал – достаточно громко:

– Нужно отвезти его к матери.

– И что мы ей скажем?

⁵ Ленапе – группа индейских племен в США. – *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

Это был Сэм Беккер, городской судья. Он сильно сутулился, словно пытаюсь спрятаться от того, что видел.

Этот Сэм Беккер неизменно преисполнялся сердечности при виде меня, считая необходимым ущипнуть за щеку и заметить, как быстро растут дети. Своих детей у него не было, и он явно не представлял, как с ними обращаться. Мне вот лично не нравилось, когда меня щиплют за щеки, тем более городской судья с его вечно грязными ногтями.

Брому Сэм Беккер тоже не нравился. Опа считал судью человеком, абсолютно лишенным элементарного здравого смысла, необходимого для того, чтобы вершить правосудие. Но большинство живущих в Лощине были фермерами или торговцами и не желали иметь дела с законом. Да и преступлений в Лощине совершалось не так уж много – ну разве что кто-нибудь затеет потасовку в таверне, и тогда задачей блюстителя порядка было драку прекратить, а виновную сторону отправить домой, к разъяренной жене. Лишь изредка случалось что-то посерьезнее.

Однако в целом Лощина была мирным местом, населенным по большей части потомками основателей деревни. Чужаки заглядывали сюда редко и почти никогда не оставались. Во многих смыслах Лощина наша была диорамой в коробочке – неизменной и вечной.

– Скажем его матери то, что знаем, – в голосе Брома прозвучало нетерпение. – Что нашли его в лесу в таком вот виде.

– У него нет головы, Бром, – заметил Сэм Беккер. – Как мы объясним отсутствие головы?

– Всадник, – буркнул один из мужчин; судя по грубому голосу, это был Эбб де Йонг, мясник.

– Цыц! Даже не начинай! Все эти байки о Всаднике – полная чушь! – рявкнул Бром. – Ты же знаешь, никакого Всадника не существует.

– Но *что-то* же убило мальчика и забрало его голову. – Эбб кивнул на труп. – Почему не Всадник?

– А почему не проклятые туземцы? – поинтересовался другой мужчина.

Поля шляпы скрывали его лицо, и голос был мне незнаком, хотя мне вроде как были известны все живущие в Лощине, так же как и я им.

– И это тоже чушь.

Услышав суровый голос Брома, любой мало-мальски здравомыслящий человек пошел бы на попятную. Бром дружил с некоторыми индейцами, обитавшими поблизости, на что никто больше в деревне не осмеливался. По большей части мы их не трогали, а они не трогали нас, и это всем казалось наилучшим вариантом.

– А почему нет? Они так и рыскают в этих лесах, бьют зверей, каких захотят...

– Звери дикие, Смит, и охотиться на них может любой, – отрезал Бром, и стало понятно, с кем он спорит – с Дидериком Смитом, кузнецом.

– ...и все мы знаем, что они воруют овец...

– Этому нет никаких доказательств, а поскольку ты овец не разводишь, непонятно, какое это имеет к тебе отношение, – сказал Бром. – Овцевод тут на многие мили вокруг только один – я.

– И слушать не хочу, как ты защищаешь этих дикарей, – фыркнул Смит. – Доказательство – вот оно, перед нашими глазами. Один из них убил этого бедного мальчика и забрал его голову и руки для своих языческих ритуалов.

– Нет, ты все-таки послушай. – Бром просто раздулся от гнева; плечи его словно бы стали еще шире, и кулаки сжались. – Я не желаю, чтобы ты разносил этот бред по Лощине, слышишь? Эти люди ничего нам не сделали, и у тебя нет доказательств.

– Ты не можешь запретить мне говорить. – Слова Смита были смелыми, и кулаки его почти не уступали размером кулакам Брома, и все-таки голос его немного дрожал. – Одно

то, что ты крупнейший землевладелец Лощины, не дает тебе права распоряжаться чужими жизнями.

– Если я услышу хоть одно слово, обвиняющее индейцев в этом убийстве, я буду знать, кто пустил слух. – Бром шагнул к Смит. – Просто запомни это.

Бром возвышался над кузнецом, как возвышался над каждым мужчиной Лощины. Такое уж у него было телосложение – почти что нечеловеческое в своей грандиозности. Смит перевернул плечами, кажется, собираясь что-то ответить, но передумал и промолчал.

– Если это не туземцы, остается только Всадник, – сказал де Йонг. – Знаю, тебе это не нравится, Бром, но это правда. И ты понимаешь, что, едва весть об обстоятельствах гибели мальчика разнесется, все в Лощине подумают то же самое.

– Всадник, – пробормотал Бром. – Почему никто из вас не скажет о самом вероятном – что сделал это кто-то из Лощины?

– Кто-то из нас? – поразился де Йонг. – Люди из Лощины не убивают детей и не отрезают им головы.

– Но это куда вероятнее мифического Всадника без головы.

Бром не верил во многое из того, во что верил народ Лощины. И не в первый раз он называл чужие идеи чушью и чепухой.

Хотя все жители деревни по воскресеньям посещали церковь, многие оставались верны тому, что пастор называл «народными верованиями» – да и сам он разделял кое-какие из них, и это было весьма необычно для служителя Господа – так, по крайней мере, говорила Катрина. Возможно, верования эти каким-то образом поощряла сама Лощина, в воздухе которой словно висела магия, и казалось, будто призраки, обитающие в глухих чащобах, тянут к нам свои руки.

Когда-то, давным-давно, мне довелось сойти с тропы в глубине леса. Помню, как сходил с ума от беспокойства Сандер, как кричал, звал меня вернуться, а мне не терпелось узнать, почему никто в Лощине никогда не пересекает этой границы.

Мне не повстречались ни ведьмы, ни гоблины, ни Всадник. Но кто-то как будто прошептал мое имя, и что-то словно коснулось плеча, что-то холодное, как осенний ветер. Ох, как же хотелось убежать, в ужасе умчаться на ферму, но Сандер смотрел, и под этим его взглядом мне ничего другого не оставалось, кроме как спокойно развернуться и вновь шагнуть на тропу. Ощущение холодного прикосновения тут же исчезло. Думаю, знай об этом Бром, он бы гордился моей храбростью – но все равно надрал бы мне уши за то, что лезу куда не следует. Не то чтобы он проделывал это часто. За дисциплину у нас отвечала Катрина.

– Если это не Всадник, то это и не кто-нибудь из Лощины, – продолжал настаивать де Йонг. – Верно, чужак какой-нибудь.

– Никто не сообщал о появлении в наших краях чужаков, – сказал Сэм Беккер.

– Это не значит, что они тут не проходили, – это значит только, что их никто не заметил. – Такой тон Бром всегда приберегал специально

для Сэма – тон, ясно говорящий, что мой опя считает собеседника идиотом. – Человек может пересечь эти леса, и никто из нас никогда об этом не узнает, если только на него не наткнется кто-нибудь из охотников.

Сэм вспыхнул. Он прекрасно понимал, что Бром Бонс считает его дураком. Он уже открыл рот, чтобы продолжить спор, но один из мужчин опередил его.

– Давайте просто вернем мальчика матери, – предложил Хенрик Янссен, тоже фермер, как и Бром. Земли его граничили с нашими. В его присутствии мне всегда почему-то становилось не по себе. – Сейчас мы мало что можем сделать. Если это Всадник, что ж, это часть здешней жизни, не так ли? Риск, на который мы пошли, поселившись и пустив корни чуть ли не на самом краю света.

Мужчины невнятно забормотали, соглашаясь. В других местах, в других деревнях это, может, и показалось бы жестокосердным, но в Сонной Лощине самые странные вещи обра-

чивались иногда правдой, и они порой выпускали когти. Не то чтобы людей это не волновало; просто они приняли ужас, променяв на него необходимость гадать.

– С отцом мальчика будут проблемы, – задумчиво протянул Сэм Беккер, косвенно намекая на привычку Тийса ван дер Берга пить до беспамятства, просяживая все свое жалование и ничего не оставляя семье.

Надравшись, Тийс превращался в самого вспыльчивого человека в деревне, и, если в таверне не

находилось того, с кем можно было затеять драку, он отправлялся домой, чтобы затеять ее со своей женой – в той драке жена всегда проигрывала, будучи низкорослой и хрупкой, совершенно неспособной противостоять кулакам мужа.

Все женщины Сонной Лощины жалели супругу ван дер Берга, но никогда не осмеливались показать это ей. Особы, более гордой, чем Алида ван ден Берг, в деревне просто не существовало. Катрина и прочие дамы частенько обсуждали, чем можно было бы помочь этой семье, но неизменно решали, что Алида ни в коем случае не примет их помощи.

После таких разговоров Катрина всегда ходила с грустными глазами, и мной овладевало непостижимое желание ее утешить – непостижимое потому, что во всем остальном мы с ней расходились.

– Однако семья имеет право оплакать и похоронить его, – продолжил Янссен.

Стоящие полукругом мужчины закивали – все, кроме Брома, который тер руками лицо, что означало: он раздражен, и раздражен вдвойне от невозможности это выказать.

Тут руки мои ослабли и начали скользить, но мне удалось восстановить равновесие, упершись коленями в сук. Меня беспокоило, что мужчины могли услышать мое оханье, но в этот момент Бром как раз расстегнул седельную сумку и достал одеяло, чтобы завернуть в него останки Кристоффеля. На погибшем и сосредоточилось всеобщее внимание, так что на звук никто не оглянулся.

Бром опустил на колени рядом с Кристоффелем, осторожно перекатил тело на одеяло и подогнул края, так что трупа не стало видно. Все, что осталось от Кристоффеля – мальчишки, изводившего других детей, мальчишки столь бедного, что он не мог позволить себе нормальных башмаков, – это жалкий комок, завернутый в ткань. Мужчины молчали, никто даже не пошевелился, чтобы помочь Брому, и меня это отчего-то жутко разозлило. Да, Кристоффель имел массу недостатков, но он был человеком, личностью, и лишь Бром отнесся к нему подбающе. По-человечески. Все остальные смотрели на Кристоффеля как на проблему, которую нужно решить или объяснить.

Мне стало интересно, с чего большая их часть вообще сподобилась явиться сюда. А еще было интересно, почему они примчались в лес изначально. Кто-то другой, вероятно, обнаружил тело и сообщил об этом – но кто? Наверное, кто-то из них, из этих мужчин. Только почему он сразу не сделал то, что сделал Бром – не завернул тело, чтобы отвезти его в Лощину? Почему бросил Кристоффеля валяться на тропе?

Еще несколько секунд – и Бром вскочил на коня, придерживая одной рукой тело Кристоффеля. Остальные мужчины тоже оседлали лошадей, и процессия двинулась в обратный путь. Теперь лошади шагали медленно, словно из уважения к печальному грузу Брома.

Задержался только Дидерик Смит. Взгляд его просто прикипел к тому месту, где лежало тело Кристоффеля. Смит пялился на землю так долго, что казалось, будто он впал в транс. Но наконец и он, развернув лошадь, последовал за остальными.

Руки мои, слишком долго цеплявшиеся за ветку, свело судорогой, по спине потекли струйки пота.

– Бен! – шепотом окликнул меня Сандер, словно опасаясь, что кто-нибудь все еще может его услышать. Его лицо бледным пятном маячило на фоне прелой листвы.

– Иду. – Остороженько, осторожно, крутилось в голове, надо отползти назад, к стволу, обхватить его ногами, не отпуская ветки – и соскользнуть вниз. Теперь стряхнуть ошметки коры со штанов.

– Всадник убил Кристоффеля ван ден Берга! – Глаза Сандера стали размером с чайные чашки Катрины.

– Нет, это не Всадник, – изобразить голосом пренебрежение, как умел Бром, у меня не вышло. – Ты разве не слышал, что они говорили? Опа сказал, это чушь.

Сандер с сомнением уставился на меня.

– Это не станет правдой только потому, что так сказал минхер⁶ ван Брунт. В смысле, все же в Лощине знают о Всаднике без головы, а что еще могло убить паренька? Люди же не бродят просто так, без причины отрубая другим головы. На такое способен лишь Всадник.

В словах Сандера имелся некоторый смысл, но признавать этого мне не хотелось. При виде обезглавленного тела Кристоффеля точно такая же мысль пришла и мне в голову. Но если Бром сказал, что это не так, значит, это не так.

Однако крайняя усталость не позволила мне спорить с Сандером. Кристоффель погиб, а как к этому относиться, – не говоря уже о том, как относиться к тому способу, которым его убили, – мне не удавалось определить для себя. Так что мы молча повернули к дому. Каждого обуревали собственные мысли.

На окраине деревни Сандер свернул к своему дому – его отец служил нотариусом, и семья их жила в квартире над нотариальной конторой, – оставив меня шагать в одиночестве к нашей ферме. Интересно, бродили мысли в голове, дома ли уже Бром? И расскажет ли он Катрине о том, что случилось сегодня?

Имение ван Брунтов было, пожалуй, самым большим в Лощине – отчасти потому, что отец Катрины подарил все земли ван Тасселей своему зятю, когда дочь вышла замуж за Брома, а отчасти потому, что ловкач опа быстренько перехватывал любой соседний участок, если тот выставлялся на продажу. Так что путь от леса до дома был неблизок, и в итоге пота на мне оказалось не меньше, чем грязи.

Попытка прокрасться на кухню и подняться по лестнице для прислуги (наша кухарка Лотти всегда мне сочувствовала) провалилась сразу. Передняя дверь распахнулась прямо передо мной.

На пороге стояла Катрина. Глаза ее сверкали. Она была в ярости.

– Ну и где ты шляешься? Учитель пения давно уже здесь, у тебя же урок музыки!

Урок музыки. Мне были ненавистны уроки музыки. Ненавистен учитель пения, изо рта которого вечно несло лакрицей и который не больно, но обидно шлепал меня по рукам тонкой деревянной палочкой всякий раз, когда мои пальцы промахивались и попадали не на ту клавишу пианино.

– И почему ты в грязи?! – Катрина оглядела меня с головы до ног.

– Мы с Сандером ходили в лес, играли в «соннолощинских».

Башмаки мои тоже были грязнее некуда.

– Ну сколько раз тебе говорить?! – Ома шагнула на крыльцо и ухватила меня за ухо. – Ты же не мальчишка, Бенте, ты *девочка*, и сейчас тебе самая пора начинать вести себя соответственно.

Я ничего не ответила, только сердито зыркнула на нее. Я терпеть не могла, когда Катрина говорила мне это – то, чего мне совсем не хотелось слышать.

Да, я родилась девчонкой, а девчонке никогда не стать вожаком банды «соннолощинских», не стать человеком, на которого все смотрят снизу вверх, с уважением, как на моего деда Абрагама ван Брунта – единственного и неповторимого грозного Брома Бонса.

⁶ Минхер – форма вежливого обращения к мужчине голландского происхождения.

Два

Я

была слишком грязной, чтобы меня пустили в гостиную, а время, потраченное на мытье, означало, что учитель пения удалится, не преподав мне ненавистного урока. Топая босиком по лестнице (мои заляпанные подсохшей дрянью башмаки и носки сочли абсолютно непристойными для цивилизованного дома и унесли в чистку), я слышала, как Катрина извиняется перед ним.

От нотаций Катрины щеки мои пылали, но все же я была довольна тем, что увильнула-таки от часа занятий с учителем пения. Тем более я совершенно забыла, что сегодня вторник, а следовательно, изначально не планировала побега.

Две судомойки втащили наверх большую лохань. Обе они были явно раздосадованы появлением дополнительной работы, необходимостью снова спускаться и набирать воду просто потому, что я не способна вести себя как подобает нормальной женщине. Я игнорировала их гадкие взгляды. Никто и никогда не сделает из меня женщину, даже Катрина. Вот вырасту, обрежу волосы, убегу – и стану женщиной где-нибудь там, где обо мне никто не слышал.

Катрина поднялась в мою комнату, когда я отмокала в горячей воде. Я тут же нырнула поглубже, так что из лохани виднелись только глаза да ноздри.

– Не смотри на меня волком, Бенте. – Катрина придвинула к лохани один из стульев и наградила меня особым взглядом, который приберегала для специальных случаев, – взглядом, говорящим о том, что терпение ее на исходе. – Знаю, тебе это не нравится, но ты уже слишком взрослая, чтобы носиться по округе этакой дикаркой. Все девочки твоего возраста уже умеют шить, петь и прилично вести себя на людях.

Я приподняла голову, чтобы рот оказался над водой.

– Я не хочу шить и петь. Я хочу скакать на коне, охотиться и быть фермером, как опа.

– Ты не можешь быть фермером, Бенте, но ты можешь стать женой фермера, как я. Неужели это так плохо?

Быть запертой в доме. Следить за слугами и покупками, организовывать вечеринки, кружки шитья и добрых дел. Кряхтеть от слишком туго затянутых корсетов, задыхаться в спертom воздухе гостиной, никогда не видеть солнца, кроме как выйдя под руку с мужем в церковь.

– Да, – содрогнулась я. – Звучит ужасно.

В глазах Катрины мелькнула боль, и я сразу пожалела о своих словах, но, когда она заговорила, все сожаления мигом исчезли.

– Очень плохо, что ты находишь это ужасным, поскольку все равно так и будет. Ты – девочка, девушка, которая вот-вот станет женщиной, и Бог свидетель, ты научишься вести себя как подобает.

– Я не научусь, потому что я не девочка, – пробурчала я и с головой ушла под воду, чтобы не слышать, что Катрина скажет в ответ.

Однако фокус не сработал, потому что она тут же выудила меня за косу.

– Ой!

Не так уж сильно она тянула, но пусть все равно устыдится того, что сделала мне больно.

Она грубо расплела мою косу, бормоча что-то по-голландски. Выходя из себя, Катрина часто переходила на язык своих предков. Потом она взяла стоящую рядом с лоханью кружку, зачерпнула воды и вылила мне на голову.

– Твои волосы грязнее овечьей шерсти, – пробормотала она, нещадно намыливая мою голову. – Даже свиньи чище тебя, Бенте.

Волосы – длинные, густые, вьющиеся – вечно мне мешали, так что я никогда толком не расчесывала и не мыла их, просто собирала в косу и засовывала под шляпу в надежде, что люди примут меня за парня. Это сработало бы где угодно, но только не в Лощине, где все знали меня и я знала всех. В Сонной Лощине укрыться не удалось бы. Мы были маленьким изолированным народом, оттого-то, наверное, Катрину так сердило мое поведение. Все в деревне знали, что ее внучка – неуправляемая и неженственная.

Но, опять-таки, в Лощине порой самые странные вещи оборачивались правдой. Если бы я достаточно долго сумела притворяться мальчишкой, все остальные могли бы в это и поверить.

Моя мать, Фенна, очевидно, была само воплощение женской красоты – светловолосая, голубоглазая, с идеальными манерами, совсем как Катрина. Бабушка просто восхищалась невесткой и всегда напоминала, что мне до Фенны ой как далеко.

Я никогда не знала матери. И она, и мой отец, Бендикс, умерли, когда я была совсем маленькой. Я их не помнила, хотя иногда, глядя на их портрет внизу, в большом зале, воображала, будто из глубин памяти на самом деле всплывают их лица или то, как они улыбаются, наклоняясь ко мне.

Я дулась все время, пока Катрина отскребала от грязи мои волосы, лицо и ногти. Состояние рук оказалось едва ли не хуже, чем головы, – земля буквально въелась под ногти, причем половина из них была сломана от лазанья по деревьям. Я молча страдала, когда Катрина наблюдала за мытьем всего остального, а потом она опрокинула на меня ведро воды, чтобы ополоснуть. Вода была такой холодной, что зубы мои застучали, и я яростно зыркнула на ому, вытирающую меня шерстяным полотенцем. Шерсть была грубой, совсем не такой, как тонкая пряжа, идущая на одежду, и когда Катрина закончила, кожа моя стала краснее спелого помидора.

Она стояла и смотрела, как я одеваюсь, следя за тем, чтобы я не пропустила ни сорочки, ни платья, ни чулок, а потом расчесала мне волосы и подвязала их лентой. Голове стало тяжело, кожа на ней зудела, вьющиеся пряди болтались у лица и щекотали шею.

– Вот, – произнесла наконец Катрина, взирая на плоды своих трудов. – Теперь ты выглядишь нормальной девочкой. Иди вниз и почитай.

– Но я еще не обедала.

Кишки мои так и крутило от голода. Большую часть дня я провела на свежем воздухе, и теперь, успокоившись, тело напоминало мне, что с завтрака прошло довольно много времени.

На миг перед мысленным взором мелькнуло лежащее на тропе тело Кристоффеля. Но я отогнала видение, засунула его на ту дальнюю полочку мозга, где хранила все «неподобающее», огорчительное и расстраивающее пищеварение. Я ведь не должна знать о Кристоффеле, а значит, не могу говорить о нем с Катриной. Да и в любом случае лучше вообще об этом не думать. Лучше поперекататься с бабушкой насчет еды и уроков.

– Обед ты пропустила, поскольку болталась в лесу, где тебе не место, так что потерпи до ужина, – заявила Катрина. – И не вздумай прокрасться в кладовку.

Я выскочила из комнаты, громко топая, чтобы она знала, как я зла – на тот случай, если вдруг не догадалась об этом по моему сердитому взгляду.

Читает? Без обеда?

Это было нечестно, ужасно нечестно, ей бы такое не пришло в голову, не считай она меня девчонкой. Будь я мальчиком, меня бы баловали, прощали, позволяли мне делать все, что я хочу, и есть все, что я хочу, ведь мальчики должны расти большими и сильными. А девочки должны быть гибкими и стройными, как ивы, с тонкими белыми ручками и крохотными ножками. Катрина постоянно ограничивала меня в еде, говоря, что я ем слишком много для представительницы своего пола и если продолжу в том же духе, то стану толстой, как дуб.

Я не понимала, при чем тут количество еды, ведь ничто в мире не сделало бы меня меньше. Не было у меня ни тонких ручек, ни изящных ножек. Не было и никогда не будет.

Телосложением я пошла в деда – я уже стала выше всех деревенских девочек моего возраста, да и большинства мальчиков тоже. Руки у меня были большими и грубыми, а обувь мне приходилось менять каждые три месяца, чтобы большие пальцы не протирали кожу на носках башмаков. На щеках моих не наблюдалось ни капли нежного жирка, как у прочих девчонок. Подбородок выдавался вперед, как у Брома, и на ямочку на нем обнаруживался разве что легкий намек. Плечи у меня были широкими, а ноги – длинными, как у жеребенка. Я никогда не смогла бы стать такой, как другие деревенские девушки, и моя неприязнь к Катрине отчасти проистекала из ее упрямой веры в то, что, изменив поведение, я и выглядеть буду иначе. Женственнее.

– Ты недостаточно работаешь над собой, Бенте, – говорила ома, разглядывая меня с головы до ног так, что я чувствовала себя свиньей на продажу.

«А ты и есть свинья, – мрачно размышляла я, – свинья на продажу, которую свяжут и вручат тому, кто даст бо`льшую цену, когда придет время, – какому-нибудь безвольному бледнолицему мальчишке с хорошими перспективами, который будет ожидать, что ты будешь тихой и покладистой».

– Никогда, – буркнула я себе под нос, ворвавшись в гостиную и бухнувшись в одно из кресел. – Никогда я не прогнусь ни перед одним мужчиной.

На столике рядом с креслом лежало несколько скучнейших сборников стихов. Я выбрала книжку наугад, открыла ее, но мысли мои почти сразу вернулись к тому, что мы с Сандером видели в лесу. Кто оторвал и забрал голову и руки Кристоффеля? Кто вообще способен на такую жестокость? Для чего это было сделано?

Открылась и закрылась дверь кухни, и зычный голос прогремел на весь дом:

– Катрина! Я вернулся.

– Опа, – выдохнула я, отшвырнула занудные стихи и выскочила в холл.

Он стоял у подножия лестницы, такой громадный, такой живой, что, казалось, весь воздух в комнате стягивается к нему. Услышав мои шаги, опа повернулся, широко улыбнулся и раскинул руки.

Я бросилась в его объятия, потому что, хотя я и большая, мой опа гораздо, гораздо больше и, если захочет, все еще может поднять меня, как ребенка. Он сильно-сильно стиснул меня, и только теперь я поняла, что печальный вид маленького мертвого тела Кристоффеля встревожил меня куда больше, чем хотелось бы признавать.

– Ну, как дела у Бен? – спросил дед, ставя меня на пол и заглядывая в глаза.

Больше всего мне в нем нравилось то, что он всегда задавал мне вопросы и, кажется, интересовался ответами, уделяя такое же внимание, как любому взрослому.

– Что случилось, Бен?

Опа всегда понимал, когда меня что-то беспокоило. Мне не хотелось, чтобы единственный и неповторимый Бром Бонс считал меня слабой, к тому же не терпелось поговорить с ним о Кристоффеле. Только нужно было быстренько убедить его, что я заслуживаю информации, ведь как только Катрина узнает, что случилось, тема окажется под запретом. Катрина всегда запрещает обсуждать при мне все интересное.

– Я просто немного проголодалась, вот глаза и слезятся.

Это была чушь, конечно, и Бром, несомненно, это понимал, но, как человек мудрый, он понимал и то, что мое оправдание означало: в данный момент мне не хочется говорить о тревожащих меня вещах.

– Так иди и попроси у Лотти хлеба с маслом, – сказал Бром. – Она дала мне ломоть, когда я пришел, и там осталось еще кое-что от вчерашней буханки.

– Она не пойдет ничего выпрашивать у Лотти, – заявила Катрина, спускаясь по лестнице. – Бенте запрещено есть что-либо до ужина.

При виде Катрины на лице Брома расплылась его обычная ухмылка, но при ее словах улыбка исчезла. Он перевел взгляд с нее на меня – и вновь на нее.

– В чем дело, Катрина? Почему бы Бен не съесть кусок хлеба? Не так уж мы бедны.

Катрина остановилась на лестнице, оказавшись чуть выше Брома и вне его досягаемости. У меня создалось впечатление, что сделала она это нарочно, поскольку Бром имел привычку хватать ее и обнимать до тех пор, пока она с ним не соглашалась. Для стариков они были до отвращения романтичны. А вот такой маневр означал, что она не собирается позволять мужу отвлечь себя.

– Бенте пропустила урок с учителем пения, – сообщила Катрина.

Бром подмигнул мне, предварительно убедившись, что голова его повернута так, чтобы Катрина этого не увидела.

– Ну же, любовь моя, мне и самому никогда не нравились уроки музыки. Нельзя винить Бен в том, что ей не хочется торчать в гостиной, когда до зимы осталось всего несколько славных осенних деньков.

Вот почему я любила опу больше всех на свете. Он *понимал*. А Катрина – она даже не пыталась понять меня. Ей лишь хотелось, чтобы я вписалась в ее представление о мире.

– Она должна учиться вести себя как леди, Бром! Это ее обязанность, она должна учиться музыке и манерам, а не носиться по лесам, точно дикий зверь. Для беготни она уже слишком взрослая.

– По лесам? – Взгляд Брома заострился. – И где ты играешь в лесу, Бен?

Тут я сообразила – мне следует уклониться от ответа, ведь если Катрина узнает, что я последовала за мужчинами в чашу, неприятности меня ждут посерьезнее тех, в которые я влипла сейчас. Но вмешательство Катрины избавило меня от необходимости лгать.

– Неважно, *где* именно, – заявила она. – Она вообще не должна ходить в лес! Ей там не место! Неужели ты не слышал ни слова из того, что я сказала?

– Бен, иди на кухню и попроси у Лотти хлеба с маслом.

Сказав это, Бром наградил Катрину серьезным взглядом, означающим, что он хочет поговорить с ней наедине. Но она его не поняла, поскольку слишком сердилась. Катрина увидела только, что Бром ей прекословит.

Но я поймала его взгляд и поняла его значение: Бром собирался рассказать Катрине, *что* он и другие мужчины нашли в лесу этим утром.

– Я же сказала, она не... – начала Катрина.

– Спасибо, опа! – быстро перебила ее я и кинулась на кухню прежде, чем она закончила фразу.

Если буду сидеть тихо (и у самой двери), то, может, услышу их разговор, подумала я.

Кухню с холлом соединял короткий коридор, расположенный под таким углом, что любой, вышедший из дверей залы, оставался невидимым для тех, кто находился в кухне. Я слышала, как Лотти лениво беседует с одной из судомоек. Их тихие голоса время от времени прерывались взрывами смеха. Из кухни плыли вкусные запахи тушеного мяса с пряностями и свежее испеченного хлеба, так что в животе заурчало от голода. Но я решила не обращать на это внимания. Куда важнее было услышать, что скажут Катрина и Бром. Я чуть-чуть приоткрыла дверь – благо та открывалась в обе стороны, чтобы слуги, несущие подносы с блюдами и чаем в гостиную и из нее, толкали створку – и прислушалась, затаив дыхание.

– ...спасибо, что не подрываешь мой авторитет в глазах девочки, Бром, – язвительно говорила Катрина. – Оттого-то она и носится распушенной дикаркой, что знает – ты всегда встанешь на ее сторону.

– Да-да-да, – тихо рокотал Бром.

Я их не видела, но представила, как он водит широкими ладонями по ее плечам, как делает всегда, когда она выходит из себя. Только сейчас мне пришло в голову, что Бром

частенько обращается с Катриной как с норовистой лошастью, которую просто нужно успокоить поглаживаниями и кусочками сахара.

– Ничего не могу поделать. Она так напоминает мне своего отца, – сказал Бром.

– Ну да, и посмотри, к какому концу он пришел. Будь он более осторожен и менее дик...

Она умолкла. А я нахмурилась. О чем это Катрина? Мой отец, Бендикс – меня назвали в его честь, чтобы Бром мог звать нас обоих «Бен», – и моя мать, Фенна, умерли от лихорадки, прокатившейся по Сонной Лощине, когда я была совсем крохой. При чем тут неосмотрительность отца? Подхватить лихорадку может всякий, размышляла я, осторожен он или нет. Все в руках Божьих – так, по крайней мере, всегда утверждал пастор.

– Катрина, – теперь в голосе Брома звучал упрек, – как ты можешь такое говорить о собственном сыне?

Ома вздохнула. То был усталый и печальный вздох. Такими вздохами она всегда награждала меня.

– В любом случае, – продолжил Бром, не дав Катрине ответить, – твои слова важны, поскольку связаны с тем, что я хочу тебе сообщить. Сегодня утром в лесу Юстус Смит обнаружил тело.

О, это все объясняет. А я-то гадала, отчего тот, кто нашел Кристоффеля, не забрал труп в Лощину сразу. Юстус Смит был моим ровесником, и, полагаю, увидев мертвеца, он в панике бросился домой. А может, он вовсе и не находил Кристоффеля. Они были друзьями, поэтому, вполне возможно, Юстус был с Кристоффелем, когда... ну, когда случилось то, что случилось. А что именно, мы не знаем.

И снова я ощутила слабую щекодку на задворках сознания, словно забыла что-то важное. Но тут Катрина опять заговорила, и все мое внимание сосредоточилось на беседе, не предназначавшейся для моих ушей.

– Что он делал в лесу, вместо того чтобы помогать своему отцу? – спросила Катрина. – Мне казалось, он ходит у Дидерика в подмастерьях?

– Не знаю, почему мальчика не было в кузнице, – нетерпеливо ответил Бром. – В отличие от тебя, Катрина, я не держу в голове дела всех на свете. Знаю только, что, когда я вышел от нотариуса, мимо пронесся Юстус с белым как мел лицом, и на руках его была кровь.

– И ты, естественно, последовал за ним и оказался втянутым в это дело. Всегда-то тебе надо быть в центре событий, Бром.

– Ты не права.

– Права. Но продолжай.

– Ну, я поймал паренька за руку и спросил, все ли с ним в порядке, и он сказал, что наткнулся в лесу на тело другого мальчика, но не уверен, кто это, поскольку у убитого нет головы. Хотя, подозреваю, он знал, только боялся сказать.

Катрина охнула:

– Нет головы?

– Ни головы, ни рук.

Раздался какой-то звук, как от шлепка, и голос Катрины зазвучал приглушенно. Должно быть, она зажала ладонью рот.

– Как у Бендикса.

Я окаменела.

Как у Бендикса? Как у моего отца? В каком смысле? Как может человек, умерший от лихорадки, лишиться головы и рук?

– Это был Кристоффель ван ден Берг, Катрина, – сказал Бром.

Ома заплакала, и я услышала шорох одежды. Значит, Бром обнял ее.

– Ох, бедная его мать. Бедная, бедная его мать, – повторяла Катрина снова и снова.

Мне стало немного жаль, что я недавно была так груба с ней. Знала ведь, как ей тяжело. Каждый раз, когда смотрела на меня, она видела своего потерянного сына – и свою неспособность сделать из меня юную леди, которой, по ее мнению, я должна быть. Надо бы быть к ней добрее, подумала я, но это так трудно, ведь то, чего она хочет для меня, и то, чего я сама для себя хочу, – вещи абсолютно разные.

Я аккуратно притворила дверь, чтобы Катрина и Бром ничего не заметили, и на цыпочках двинулась по коридору. Лотти – кухарка – и Элиза, одна из ее помощниц, сидели за длинным рабочим столом, чистя картошку к ужину. Рядом остывали два круглых золотистых хлеба. Когда я вошла, Лотти подняла взгляд.

– О, мастер Бен! Чем могу помочь? – воскликнула она.

Лотти обращалась ко мне как к мальчику потому, что я просила ее об этом, и потому, что была моим другом.

– Опа прислал меня за хлебом с маслом – он сказал, что от вчерашней буханки еще остался кусок.

– Ну, положим, мы с Элизой только что с этим куском покончили, – улыбнулась Лотти, – но, если хочешь, можешь взять ломтик сегодняшнего. Он еще теплый, только что из печи.

– Да, пожалуйста.

Даже если бы Лотти и Элиза не доели вчерашний хлеб, кухарка все равно дала бы мне свежего. Как я уже говорила, Лотти была моим другом и наперсницей и хлопотала надо мной, как утка над своим утенком.

– Займись картошкой, Элиза, – сказала Лотти и встала, чтобы взять нож и масло.

Элиза с кислой миной недовольно покосилась на меня. Она не была моим другом и наперсницей. В сущности, Элиза, как и большинство слуг, меня недолюбливала и мной возмущалась, видя во мне источник лишней работы, как те судомойки, которым пришлось посреди дня таскать по лестнице воду для моей ванны, а сейчас вот Элизе, похоже, придется самой дочищать картошку, пока Лотти обихаживает меня.

Что ж, так и оказалось, поскольку следующие четверть часа Лотти мазала мне хлеб маслом, наливала чай, а потом сидела и болтала со мной вместо того, чтобы скоблить бурые клубни. Элиза изо всех сил пыталась прожечь во мне дыры яростным взглядом, но я оставалась непроницаемой. В любом случае главная кухарка тут была Лотти, и она не обязана чистить картошку, если не хочет. Она имела полное право перепоручить эту задачу помощнице.

Я тоже старалась – старалась выглядеть бодрой и жизнерадостной ради Лотти, но разум мой бурлил и кипел. Катрина сказала, что мой отец умер так же, как умер Кристоффель. Было совершенно очевидно: это означало, что мой отец умер вовсе не от лихорадки, – но почему же никто и никогда не говорил мне об этом? В Лощине почти невозможно было сохранить что-нибудь в тайне. И если мой отец погиб так страшно – и больше десяти лет назад, – то почему появилась новая жертва? Значит, в тот раз преступника не поймали?

Конечно не поймали, дурочка. Если бы поймали, об этом знали бы все, и вместо того, чтобы при виде Кристоффеля рассуждать о Всаднике, мужчины говорили бы о моем отце и о том, кто убил его. Если только это и вправду не сделал Всадник.

Наконец Лотти встала и засуетилась, готовясь к ужину, а я умыкнула из кладовки яблоко (по-прежнему игнорируя гжучее негодование Элизы) и выскользнула через заднюю дверь.

Наш огород раскинулся всего в нескольких шагах от дома. Время летних овощей вышло, только зеленые травы еще покачивались, приветливо кивая мне.

За огородом простирались обширные поля ван Тасселя – ныне ван Брунта. Пшеницу уже убрали, превратив золотистое покрывало в грубые обезглавленные стебли. Вскоре и сено будет собрано и продано тем, кто держал скотину, как корм на зиму.

За пшеничными полями располагался большой зеленый участок для овец. Несколько лет назад Бром решил, что ему хочется стать еще и овцеводом. Катрина сочла его идею абсурдной, но Бром настоял, и они завели небольшое стадо.

Опа практически нянчился с этими овцами. Катрина неодобрительно говорила, что с овцами он обращается лучше, чем с большинством людей. В ответ на обвинение Бром заявил, что его метод позволит вывести превосходных овец – и, как всегда, одержал победу. Шерсть его овец давала исключительную, не говоря уж о мясе. Вскоре он вытеснил с рынка всех прочих овцеводов – никто больше не желал покупать их жилистую баранину.

Людей такое поведение обычно возмущает, но добродушному Бром вскоре все простили. Он помог нескольким оставшимся не у дел овцеводам освоить другие профессии, ссудив их деньгами, чтобы они могли начать новое дело. Конечно, все деньги вернулись к нему с процентами, так что мощна ван Брунгов становилась все толще и толще. Но мало кто ставил Бром в заслугу именно ум. Вообще-то большинство обитателей Лощины считали Брома тупицей, которому повезло в браке, однако проницательностью мой оп не уступал никому.

Я зашагала к овечьему загону, крутя в руке прихваченное яблоко и терзаясь думами о Кристоффеле. Непонятные слова Катрины «как Бендикс» открывали несколько весьма тревожных возможностей. Мозг мой работал в шести направлениях разом.

Катрина и Бром всегда говорили мне, что мои родители умерли от лихорадки. Если это неправда, думала я, если Бендикс был убит, как Кристоффель, то что насчет моей матери? Она-то действительно умерла от лихорадки? И знает ли еще кто-нибудь о том, что на самом деле случилось с моим отцом, или эта тайна известна лишь Катрине и Бром?

Бендикс умер больше десяти лет назад. Значит ли это, что Всадник без головы забрал его голову и руки, как у Кристоффеля? Или это среди людей Лощины скрывается убийца – убийца, здоровающийся с соседями, торгующий овощами, сидящий плечом к плечу с другими в таверне?

Я шла и размышляла, почти не замечая творившегося вокруг, и уже почти дошла до загона, когда увидела, что овцы толпятся у самой изгороди. При моем приближении они не отодвинулись, не заблеяли. Они так и стояли, тесно прижавшись к друг к другу и являя собой единую дрожащую массу.

Может, где-то рядом волк или лиса?

Солнце садилось – с моего возвращения домой прошло куда больше времени, чем я полагала, – и его предзакатное сияние не давало толком что-либо разглядеть. Впрочем, мне показалось, что в дальнем конце луга, у редких деревьев, отделяющих земли ван Брунгов от соседней фермы, темнеет какой-то приземистый силуэт.

Я прищурилась, не уверенная, действительно ли вижу там какое-то животное или просто лучи слепят мне глаза.

Темный силуэт словно бы развернулся – нет, разогнулся, мягко и плавно, и я удивилась: *разве животное может стоять как человек?*

И тут у меня перехватило дыхание, ведь на миг мне показалось, будто я увидела глаза, устремленные на меня, – глаза, которых просто не могло быть, поскольку ни у одного человека не бывает подобных глаз: горящих, влекущих, таких, что вцепляются в душу и тащат, тащат ее, вытягивая через рот.

Начав задыхаться, я резко отвернулась. Застывшие пальцы выронили яблоко. Крепко зажмурившись, я принялась шепотом повторять, снова и снова:

– Там ничего нет. Это только твое воображение. Там ничего нет. Это только твое воображение.

Через пару минут ледяной страх сменился смущением. А вдруг кто-нибудь меня сейчас увидит? Вдруг Бром обнаружит, что я веду себя, точно глупый маленький ребенок, придумавший себе буку?

Выпрямившись, я заставила себя вновь посмотреть на поле.

Никакого силуэта там больше не было.

Конечно, ничего там такого нет, тупища.

Овцы блеяли и пыхтели, хотя ни одна из них так и не отошла от ограды. Что-то все еще пугало их.

Солнце скрылось за деревьями и уже не слепило меня, но тени стали длиннее. Я взобралась на изгородь, пристально разглядывая то место, где, как мне показалось, я кого-то увидела.

Там, на земле, лежало что-то белое.

Одна из овец умерла. Это и всполошило остальных.

Можно было бы побежать сейчас прямо к Бромму, но, поразмыслив, я решила, что лучше будет, если я сначала все выясню наверняка. В конце концов, я же не боюсь. Я вполне способна сама выйти на луг.

Хотя, когда я перемахнула через забор, ноги мои дрожали. На секунду я и забыла, что на мне глупое, неудобное платье. Подол зацепился за гвоздь и, конечно, тут же порвался.

Я мысленно выругалась. Катрина непременно заставит меня чинить прореху, а шью я ужасно, как ни стараюсь. Правда стараюсь, а она не верит и, если стежки выходят кривые, заставляет меня все распарывать и начинать сначала.

Овцы и не думали сдвигаться с места при виде меня. Даже если их тревожила смерть в их рядах, вели они себя все же странно. Овцы по натуре пугливы, а наши вообще признавали лишь Брома. Они должны были разбежаться, едва я влезла в загон.

Пересекая луг, я притворялась, будто сердце мое вовсе не колотится как безумное. Я не собиралась разворачиваться, пока не выясню, что там произошло у рощицы.

Поднявшийся ветер раздувал порванную юбку так, что та захлестывала лодыжки. Ветер нес сухой запах палой листвы, смешанный с ароматом увядающей травы (обильно унавоженной овцами) и с чем-то еще. С резким духом недавней смерти, крови, трепухи... и тоски.

Я выросла на ферме. Не раз видела, как умирают животные, как их режут к обеду, как они дохнут от старости. Я не боялась мертвых, но что-то в этом ветре заставило меня остановиться.

– Не будь ребенком, Бен, – сказала я себе, заставляя ноги двигаться.

Мертвая овца лежала рядом с деревьями, так близко, что их тени укрывали тушу, словно плащом. Я различала лишь серовато-белое пятно в траве – пока не подошла вплотную.

А потом я смотрела, и смотрела, и смотрела – ведь не могла же я на самом деле видеть то, что, мне казалось, видела.

У овцы не было головы.

И копыт.

Шея оканчивалась впадиной, глубокой, зияющей, внутри которой виднелись какие-то розовые и красные скользкие ошметки.

Но самым странным было то, что крови почти не было.

Нет, немного, конечно, было – капли, пятна, брызги. Но ничего похожего на то, что я ожидала увидеть. Никаких луж – а ведь кровь должна была просто хлестать из шеи, когда овца лишилась головы.

«И впрямь, – подумала я, но мысли мои отдавались в голове, будто чужой далекий голос, – то же, что и с Кристоффелем. На тропе возле него темнели брызги крови, но ее было совсем не столько, сколько должно быть, когда человеку отрубают руки и голову».

Я не могла отвести глаза от обезглавленной овцы. Какой-то абсурд, думала я, правда, даже смешно. Зачем кому-то овечьи копыта, не говоря уже о голове? Я твердила себе, что это просто комедия, но смеяться отчего-то не хотелось.

Это, наверное, была какая-то злая шутка, а может, предупреждение. Я вспомнила, как Дидерик Смит спорил в лесу с Броммом, и то, что именно его сын нашел тело Кристоффеля.

И что это значит?

Оторвав взгляд от овечьей туши, я уставилась на ближайшие деревья. Что, если тот, кто сотворил это, прячется там, наблюдая и ожидая реакции на свои действия? Что, если Дидерик Смит или его паршивец сын (а он паршивец, правда, плаксивый сопляк, спешащий наябедничать взрослым, мол, ты похлопал его по плечу и ему это не понравилось, зато с радостью изводящий любого, кто, по его мнению, не способен дать ему отпор) затаились рядом?

Внезапно разъярившись, я шагнула к деревьям и заорала:

– Эй! Дидерик Смит! Вам это с рук не сойдет, слышите? Вам не запугать ван Брунтов!

Никакого ответа – ни шелеста, ни шороха, ни ответного крика. Но кто-то следил за мной. Я была в этом уверена. Я чувствовала на себе его тяжелый взгляд, его интерес, его...

Голод?

Ощущение было таким сильным, таким... неоспоримым. Кто-то был там, смотрел на меня. Кто-то очень голодный.

А потом до меня донеслось одно тихое слово, почти шепот:

– *Бен.*

И я побежала.

Три

М

не было все равно, следят ли за мной. Меня не интересовало, узнает ли Бром, что я струсила. Я неслась вперед, поскольку хотела прожить еще один день и была абсолютно уверена, что если задержусь еще хоть на миг, то не проживу даже его.

Овцы не разбежались при моем приближении, как делали обычно. Они так и стояли, прижавшись к ограде, одним большим неделимым стадом.

Они тоже знают. Знают, что оно все еще там. Овцы боятся, что, сдвинувшись с места, привлекут к себе внимание и прячущийся в роще вернется за ними.

Я перемахнула через забор, наплевав на платье, и неуклюже плюхнулась в грязь по ту сторону ограды. Кое-как поднялась и понеслась к дому.

Неожиданно как-то стемнело. Повсюду лежали длинные синеватые тени. Кухонная дверь отворилась, выплеснув наружу теплый желтый свет, и в проеме возник изящный силуэт. Катрина. Никогда, никогда еще я ей так не радовалась!

– Бенте! – позвала она. – Бенте!

Я бросилась к ней, не в силах ответить: страх душил меня, лишив голоса.

Потом она заметила меня, и мне не нужно было видеть ее лицо, чтобы понять, что она раздражена:

– Где ты была? Тебе нужно еще поиграть на пианино перед ужином...

Свет из проема упал на меня, и Катрина осеклась при виде моего рваного платья и грязи на моих руках и лице.

– Ради всего... Ты же только что приняла ванну, Бенте! А теперь посмотри на себя!

– Там...

– Какой смысл тебя вообще одевать? – бушевала она. – Вот заставлю тебя разгуливать голышом, и не придется утруждать себя пошивом новых нарядов! И никто больше сегодня не потащит по лестнице горячую воду для тебя! Ничего, помоешься и холодной!

– Но там...

– Я уже говорила, тебе пора перестать вести себя точно дикий зверь, а ты сразу берешься за старое и делаешь в точности то, что я просила тебя не делать.

Катрина потянулась к моему уху, готовая схватить и выкрутить его и затащить меня в дом, на виду у прислуги, унизив перед ними. Я уже сильно переросла ее, и ее трюк работал лишь потому, что я не сопротивлялась. Она, как-никак, моя бабушка, она вырастила меня, и я всегда полагала, что лучше не заходить в своем бунтарстве слишком далеко.

Но сейчас я была напугана и – да, немного злилась, ведь она никогда не давала мне высказаться, всегда ругала меня за то, что я хочу быть самой собой, да и любой дурак бы сейчас увидел, как я расстроена, любой дурак, но только не она – ей было все равно, ее заботили только разодранный подол и грязь на руках.

Так что когда она потянулась к моему уху, я отпрянула, не давая дотронуться до себя, и глаза Катрины расширились от потрясения и ярости.

– Ты, маленькая... – начала она.

Но я перебила ее:

– Там, на поле, в загоне, мертвая овца, и опе надо немедленно пойти туда.

– Это не оправдание...

– Немедленно! Я не ступлю в дом, пока он не выйдет. Кое-что случилось.

Что-то в моем лице или голосе наконец пробилось сквозь гнев Катрины. Она на секунду прищурилась, глядя на меня, потом уронила:

– Элиза, сходи позови хозяина.

Бром, несомненно, сняв куртку и закатав рукава, работал сейчас в своем кабинете, сгорбившись над листами бумаги, исписанными подробностями жизни фермы.

Мы с Катриной дожидались деда в молчании. Она глядела на меня так, будто никогда прежде толком не видела. Я тоже смотрела на нее, не желая сдать и отвести взгляд первой.

Брома я услышала раньше, чем увидела. Услышала его низкий рокочущий голос и тяжелые шаги на лестнице. Все в Бrome – не только его смех – наводило на мысли о приближающейся грозе. Вот ты слышишь его вдалеке – и вот он уже здесь.

Он положил руки на плечи Катрины и с любопытством уставился поверх ее головы на меня:

– Что стряслось, Бен?

И тут меня опять захлестнул ужас, ужас, которым я захлебывалась с тех пор, как увидела тень, склонившуюся над мертвой овцой. Но на нас с жадным, неприкрытым любопытством пялились высунувшиеся из кухни слуги, а я не хотела показывать им свой страх. Им и Катрине.

– Можно поговорить с тобой тут, снаружи? Возьми лампу. – Я очень гордилась тем, что голос мой не дрожал.

Мне было очень важно показать Бром, что я смелая, совсем как он. Очень важно, чтобы он не увидел во мне глупого маленького ребенка.

Бром наклонил к плечу голову, озадаченно, по-собачьи глядя на меня.

– Овцы встревожены, – начала я.

Но тут вмешалась Катрина:

– Ты вытащила своего деда из кабинета ради такой ерунды? Сейчас не время беспокоиться об овечьих настроениях.

Я знала, что она любит меня, правда любит, и, возможно, я тоже любила ее, где-то в глубине души, под толщей обиды и негодования. Но иногда она необычайно злила меня.

Бром, наверное, все понял по моему лицу и заговорил первым, не дав мне брякнуть что-нибудь, о чем бы я потом пожалела:

– Ну же, любовь моя, давай дадим Бен шанс объяснить.

– Опа, ты можешь просто пойти со мной? Я хочу показать тебе кое-что.

Бром, видимо, решил, что мне лучше находиться подальше от Катрины, пока меж нами не разразилась война, поэтому сказал:

– Я прихвачу лампу. – И скрылся в кухне.

Мы с Катриной ждали, сверля друг друга взглядами, готовые взорваться при малейшей провокации. Но я ее провоцировать не собиралась – чтобы удержаться на высоте.

Вернувшись, Бром вежливо бросил Катрине:

– Извини, любовь моя. – И проскользнул мимо нее, высоко держа зажженную лампу.

Едва Бром присоединился ко мне, я забыла о Катрине. Сейчас имело значение только то, что находилось за овечьим загоном.

Уже почти совсем стемнело, небеса обрели глубокий иссиня-черный вечерний оттенок. Как только мы оказались вне пределов слышимости Катрины, я рассказала Бром, о странном поведении овец и о труп, обнаруженном мной на лугу, – туше без головы и копыт.

Дед пристально посмотрел на меня, а когда я неосмотрительно добавила:

– Совсем как Кристоффель, да? – взгляд его обострился.

– Что ты об этом знаешь? – резко спросил он – куда резче и суровее, чем обычно разговаривал со мной.

Но прежде, чем я ответила, он покачал головой.

– Неважно. Катрина сказала, ты играла в лесу. Не с мальчишкой ли Смита ненароком, а?

– С этим? Конечно нет.

Я попыталась вложить в голос как можно больше презрения, но получилось не очень, потому что я уже запыхалась. Бром шагал широко, и мне приходилось бежать чуть ли не вприпрыжку, чтобы не отставать.

– Хорошо. Его отец – узколобый фанатик, и сына он пытается превратить в свое подобие.

На миг мне показалось, что я легко отделалась, но тут она добавила:

– О Кристоффеле и о том, что ты делала в лесу, мы поговорим позже.

Я поморщилась. Катрина наверняка узнает, и вот тогда мне придется туго. В свете лампы Бром заметил мою гримасу.

– Ничего, Бен, не беспокойся, проблем у тебя не будет, – хохотнул он. – Что бы ты ни сделала, я был бы лжецом, кабы заявил, будто не сотворил бы ничего подобного в твоём возрасте. А может, чего и похуже. Но дело-то в том, что у нас странное происходит, а мне не хочется говорить об этом там, где что... то есть – кто – угодно может услышать.

К этому времени мы уже добрались до овечьего загона, и я с любопытством уставилась на Брома. Странная, однако, оговорка – она, несомненно, собиралась сказать «что угодно».

Но это же просто смешно. Бром не верит ни в духов, ни в призраков, в отличие от всех остальных в Лощине.

Бром поднял лампу повыше, осветив сбившееся в кучу стадо.

– Что случилось, маленькие мои? – проворковал он. – Что вас напугало?

Обычно овцы, едва завидев Брома, радостно блеяли и окружали его, но только не сейчас.

Пара животных тихо и нервно бекнули, но никто не шевельнулся и не отделился от стада.

– Где, говоришь, ты видела мертвую овцу, Бен?

Я показала.

– На дальней стороне загона, возле деревьев.

Бром перекинул ноги через изгородь: сначала одну, потом другую. Я тоже решительно полезла через забор, но дед покачал головой:

– Нет, ты останешься здесь, Бен.

Я вспыхнула. Наверняка он велел мне остаться, потому что думал, будто я боюсь, а это неправда! Ну, Бром, не ожидала от него...

– Я не боюсь!

– Знаю, что не боишься. Но, кто бы ни убил ту овцу, он может все еще прятаться там. А я не хочу, чтобы ты пострадала. Я уже потерял твоего отца. И не хочу потерять и тебя тоже.

Бром почти никогда не говорил о Бендиксе так. Он рассказывал счастливые, забавные истории, словно пытаясь привить мне память об отце, которого я никогда не знала. Печаль опы острой иглой кольнула меня в сердце.

– Ничего со мной не случится, – пробурчала я. Мысль о том, что меня оставят не у дел, была невыносима. – Кроме того, почему ты собираешься идти туда один, если там опасно? Я должна присмотреть за тобой. А еще не думаю, будто то, что убило овцу, по-прежнему там.

Бром прищурился:

– Почему ты так считаешь?

– Раньше, когда я стояла там, я чувствовала, как на меня кто-то смотрит. А сейчас не чувствую.

Я не сочла нужным упоминать о странной фигуре, которую видела, или о тихом голосе, который слышала. Бром сказал бы, что это всего лишь мое воображение, или, хуже того, мог считать меня трусихой. А я не трусиха. Я точно не испугалась.

Бром пристально посмотрел на меня. Когда он смотрел на меня так, у меня всегда возникало странное ощущение, что он пытается заглянуть в глубину моих глаз и прочесть все мои тайные мысли. Наверное, Бром просто чувствовал, когда я пытаюсь что-то скрыть.

– Хорошо. Тогда давай поторопимся. Твоя ома спустит шкуру с нас обоих, если ужин сгорит из-за того, что нас ждали слишком долго.

Я одолела ограду, опять услышала треск рвущейся ткани и поморщилась. Потом Катрина долго будет перечислять все мои грехи – и непременно заставит чинить платье.

Бром быстро шагнул по полю, я торопилась за ним. За пределами круга света лампы сгустилась ночь. Я слышала, как ветер шелестит листвой деревьев, слышала далекое твяканье лисицы, которое заставило меня поежиться – слишком уж оно напоминало человеческий голос, слишком легко было представить, что это кричит кто-то, попавший в беду.

Может, так оно и есть? Может, я ошиблась и то, что забрало голову Кристоффеля, то, что забрало голову овцы, все еще здесь. Может, прямо сейчас, когда мы с Бромом шагаем сквозь тишину, нарушаемую лишь нашим хриплым дыханием, оно терзает новую жертву?

Было немного стыдно признаваться себе в том, что рядом с Бромом я чувствую себя почти в безопасности. Он такой сильный, такой бесстрашный, что трудно *не* чувствовать себя так.

Как и в прошлый раз, я почуяла мертвую овцу раньше, чем увидела ее. Бром замедлил шаг и сморщил нос.

– Боже всемогущий. Ну и вонь. Неудивительно, что овцы держатся поодаль.

– Не думаю, что причина в запахе. – Я вспомнила странные глаза того, чей силуэт маячил в поле, но Бром, кажется, не услышал меня.

Словно бы с трудом, сквозь стиснутые зубы, он втянул в себя воздух, и я, проследив за его взглядом, остановившемся на озаренной светом лампы туше, громко охнула и отпрянула.

Овца *разложилась*. Немыслимо, невообразимо, за пределами. Мясо и кожа ее словно растаяли, оставив лишь скелет и внутренние органы – пульсирующие, точно живые. Я шагнула ближе и тут же отвернулась, осознав, что туша кишит крошечными извивающимися червяками.

– Как такое возможно? – пробормотал Бром.

– Этого не было, когда я ее нашла, – сказала я. – А нашла я ее меньше получаса назад. Не могло такое случиться за столь короткое время.

– Не могло.

Я взглянула на Брома. Он, хмурясь, смотрел на деревья.

– Опа...

Я чувствовала себя непривычно неуверенно, не зная даже, хочется ли мне сказать то, что в этот миг пришло мне в голову, – слишком уж это было ужасно.

– М-м-м? – откликнулся Бром, но внимание его сейчас было приковано отнюдь не ко мне.

– Ты не думаешь... – начала было я, потом сглотнула и попыталась снова: – Не думаешь, что то же самое могло случиться и с телом Кристоффеля? Ну, что его... э-э-э... кожа могла исчезнуть?

Встревоженный Бром отвлекся от разглядывания рожи:

– Почему ты так решила, Бен?

– Ну, кто бы ни убил Кристоффеля, он убил и овцу, верно?

– Не строй предположений. Может, это всего лишь розыгрыш. В сущности, я в этом почти уверен. А значит, тот, кто это сотворил, где-то поблизости, наблюдает за нашей реакцией.

– Розыгрыш?!

Когда я увидела овцу в первый раз, то подумала, что это, возможно, чья-то скверная шутка. Но теперь, глядя на это растекающееся месиво, в розыгрыш как-то не верилось. Кто-то... сделал что? Убил первую овцу, чтобы я увидела свежую тушу, а потом, пока я бегала за Бромом, заменил ее гниющей? Это еще нелепее, чем странное существо с горящими глазами. Если бы Бром видел тот силуэт, он бы не говорил о розыгрыше.

– Опа, не думаю...

– Тсс, – глухо прошипел он, протянув мне лампу. – Я что-то слышал, какой-то шелест среди деревьев. Держу пари, я поймаю негодяев.

– Опа, нет, – выдавила я, но он уже двинулся к цели.

Я на миг замерла, размышляя, что же мне делать. Отправиться за ним? Если да, то взять ли с собой лампу? Бром, несомненно, собирался подкрасться к кому-то – к кому-то, в присутствии кого я сильно сомневалась.

Но если незванный гость действительно там, если все это действительно розыгрыш, Бром не поблагодарит меня за вмешательство. Так что я ждала, держа лампу и нервно перетаптываясь в сырой траве. Единственное, что я слышала, это стук собственного сердца.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Я вглядывалась в тени в поисках Брома, ожидая, что во тьме вот-вот мелькнут очертания его гигантской фигуры, ожидая увидеть, как он смущенно ухмыльнется и признается, мол, шум, который он слышал, был всего лишь плодом его воображения.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Почему сердце стучит так громко? Не могу же я и впрямь быть так испугана? Бром оставил меня всего на секунду, а я уже слишком взрослая, чтобы бояться темноты.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Просто смешно. Я – внучка Брома Бонса, и я не менее храбра, чем любой мальчишка.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Да это же не сердце. Это стук копыт.

Сюда быстро приближался какой-то всадник.

Внутри меня что-то перевернулось. Холодный ветер пронесся над полем.

Каким дураком надо быть, чтобы так нестись в темноте? Так и лошадь можно покалечить.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Холодный ветер нес запах посильнее вони разлагающейся овцы. Запах ночи, вползающий в открытое окно, когда ты в полудреме, запах свежеспаванной земли, запах первого осеннего сквозняка, ворвавшегося в славный летний денек. Так застрекает в горле ледяной ком, когда пробуждаешься от кошмара, не понимая, где находишься. Так смыкается вокруг жертвы тьма, сжимая слишком сильно и слишком туго.

А потом я его увидела.

Увидела – но не перед собой. Он был в моих глазах, в ушах, в сердце, он разгонял мою кровь, заставляя ее нестись по венам, как неся он, вынуждая меня страстно желать оказаться там же, где он – на свободе, в бешеной скачке под звездами.

Потом чары развеялись, так же стремительно, как и появились, и я вновь осталась одна, дрожащая посреди поля.

– Бром, – прошептала я.

Бром не знает, что здесь происходит. Не знает, что *он* приближается.

– Опа! – крикнула я. – Опа, вернись!

Теперь опа точно должен поспешить ко мне, потому что я и сама не узнала свой голос, такой он стал тоненький, писклявый, как будто я не Бен-храбрец, не Бен – единственный и неповторимый наследник Абрагама ван Брунта, а крошка Бен, перепуганная сверх всякой меры.

Почему Бром не идет? Опа должен был уже выяснить, что в роще никто не прячется. А вот *он*

приближается. Стук копыт становился все громче и громче, и стук этот больше не отдавался в моем сердце.

Я просто его слышала.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Все ближе и ближе.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

– Опа! Опа!

И я побежала к деревьям. Что он там делает? Почему так задержался?

– Опа! Опа!

Забухали по земле сапоги, и вот он, Бром – уже нависает надо мной. Дед, схватив за плечи, остановил меня и удержал.

– Что случилось, Бен? Здесь кто-то есть? Ты не ранена?

– Это он, – выдохнула я, стиснула руку Брома и потащила его. – Нам надо уходить. Надо вернуться домой.

– Кто, Бен? Кто здесь? Дидерик Смит?

Я тянула его за рукав, но он не двигался с места. Бром озирался по сторонам, ища врага, человека, которого считал виновным во всем случившемся. Какая же я была слабая – не могла даже заставить его сделать хоть шаг, если он не хотел.

– Опа... – Я чуть не плакала от безысходности. – Пожалуйста, пожалуйста, нам нужно вернуться домой немедленно. Ты разве не слышишь его?

– Кого? Я ничего не слышу, Бен, кроме тебя.

Он искал кого-то, кого можно побить, уложить наземь ударами гигантских кулаков. Так всегда улаживал дела Бром Бонс, если люди не поддавались его очарованию. Но бить было некого. Никакой Дидерик Смит не притаился во мраке. Был только *он*, и даже Бром не справился бы с *ним* при помощи кулаков.

– Слушай, – прошептала я. – Слушай.

Бром наклонил к плечу голову. Копыта цокали совсем близко. *Он* уже почти настиг нас.

– Я ничего не слышу, Бен. Что-то на тебя не похоже. В чем, черт возьми, дело? Ты испугалась?

Я так отчаянно хотела вернуть Брома домой, что почти не заметила оскорбления. Я не из тех, кто легко пугается, и мне бы – в обычных обстоятельствах – совсем не хотелось, чтобы Бром считал меня трусишкой. Но сейчас это было неважно.

Бром не слышал стука копыт, а я слышала, и не было времени гадать почему. Нам следовало скорее добраться до дома. Ради безопасности Брома. Я снова потянула его за рукав, но ткань выскользнула из пальцев, и я упала спиной в траву.

Звезды завертелись надо мной, а потом появилось лицо Брома. Руки его подхватили меня, как будто я вновь стала маленьким ребенком, его крошкой Бен – такой, какой была до того, как превратилась в неуклюжего почти-взрослого.

На руках Брома меня сразу затрясло, а он прижал меня к себе и сказал:

– Ну же, ну, все в порядке. Извини, что оставил тебя одну.

Я задрожала еще сильнее, потому что никогда еще перед Бромом не выказывала подобной слабости.

Стук копыт затихал, растворялся вдалеке. *Он* отправился охотиться куда-то еще. И теперь я почувствовала странную смесь облегчения и разочарования.

Я хочу его увидеть.

(Нет, не хочу. Только дурак захочет увидеть его. Всадник отрубает людям головы. Так, по крайней мере, говорят.)

И в третий раз за день я почувствовала: я что-то знала, но забыла, – только на сей раз ощущение отличалось от прежних. Оно не было связано с Кристоффелем. Оно касалось Всадника.

(ты уже видела его...)

(видела его давным-давным-давно...)

Но воспоминание никак не давалось в руки, ускользало, спугнутое ужасом.

Бром так и донес меня на руках до дома, и когда Катрина сунулась с вопросами, велел ей не суетиться, а сразу уложить меня в постель.

Ома отправила со мной одну из горничных – умыться мне лицо, заплести косу, помочь надеть ночную рубашку. Я подчинялась с необычной покорностью. Не было у меня сил сопротивляться, да и мозг в любом случае почти не работал.

Горничная смотрела, как я забираюсь в постель и натягиваю до подбородка одеяло. Меня продолжало трясти, и она, прежде чем уйти, укрыла меня еще и пледом.

Я смотрела в окно. Рядом с домом, почти вплотную, росло большое дерево, так что я вполне могла выскользнуть через окно из комнаты и спуститься по стволу на землю, если бы захотела. Иногда тонкие веточки касались оконного стекла, и раньше их тихое постукивание меня успокаивало. Но сейчас мне казалось, что это призрак пытается ворваться в мою комнату, что это длинные ногти привидения скребут по стеклу в поисках входа.

Я перевернулась на другой бок, спиной к окну, крепко зажмурилась и накрыла голову подушкой, отсекая все лишние шумы. Я пыталась не думать о ночи, и ветвях, и окне, и о существах из иного мира, способных проникнуть в дом.

Но воспоминания о дневных событиях заглушили шорох ветвей получше всякой подушки. Теперь я наверняка знала две вещи, о которых никто больше не знал, и не представляла, что мне с этим знанием делать.

Во-первых, убийцей овцы (и, вероятно, Кристоффеля), кем бы – или чем бы – он ни был, оказался не Всадник. Чувство, возникшее у меня при виде склонившегося над овцой силуэта, нисколько не походило на чувство, охватившее меня, когда Бром ушел и я услышала стук копыт.

Нам миг мне показалось, что я слышу их снова – *ту-тук, ту-тук, ту-тук*, – но то были не копыта. Просто от воспоминаний сердце мое забилося сильнее.

Стук копыт. Бром всегда утверждал, что Всадник – это чушь собачья, плод глубоко укоренившихся в обитателях Сонной Лощины суеверий. Теперь я знала, что он ошибался. Я всегда считала, что Бром всегда и во всем прав, но в данном случае он ошибался.

Всадник был реален.

Четыре

Н

а следующее утро я проснулась в довольно странном, полувялом, полувозбужденном состоянии, наверное, потому, что большую часть ночи ворочалась с боку на бок. Я никак не могла понять, хочется ли мне снова натянуть одеяло и провалиться в сон – или спрыгнуть с кровати и начать бегать кругами. Понаблюдав пару минут за маленьким бурым паучком, перебегающим потолок, я решила все-таки встать. Никогда не любила пауков (хотя, конечно, никогда не призналась бы в этом Бром), и мысль о том, чтобы провести целый день в компании с представителем этого вида, пускай и крохотным, казалась малопривлекательной.

Я натянула бриджи и куртку, зная, что Катрина будет сердиться, но в тот момент меня это не волновало. Накануне между нами что-то изменилось, и баланс сил определенно сместился в мою сторону. Она по-прежнему оставалась бесспорной королевой дома, но я поняла, что не обязана подчиняться каждой ее прихоти.

Когда я затягивала ремень, мне показалось, что штаны стали коротковаты. Вчера они точно сидели лучше. Да, иногда мои ноги вытягивались за ночь, и утром я просыпалась с ноющими мышцами и ощущением того, что превратилась в бобовый стебель Джека⁷. Каждый день я становилась выше, все больше и больше обгоняя других детей Лощины, даже тех, кто был старше меня.

Когда я была маленькой, Катрина не слишком перечила моему желанию носить мальчишескую одежду. Дед сказал: «А что в том плохого?», и она уступила, поскольку Бром не собирался спорить по этому поводу. Вероятно, Катрина решила, что я перерасту свой каприз прежде, чем он станет казаться неприличным.

Что ж, «каприз» я не переросла и не перерасту. Точно-точно. Однако после вчерашней ссоры вряд ли Катрина станет и дальше потакать мне. Возможно, мне и впрямь придется научиться рукоделию, чтобы самой шить и штопать себе штаны. Катрина, по крайней мере, была бы довольна, если бы я постаралась овладеть каким-нибудь женским искусством.

Одеваясь, я прикидывала свои планы на сегодня. Нужно было сделать что-нибудь плодотворное, только вот я не знала, что именно. Список возглавлял разговор с Бромом. Требовалось узнать больше о Кристоффеле – и, что гораздо важнее, о моем отце. Значит, размышляла я, придется признаться в том, что я подслушивала под дверью, но, будем надеяться, Бром закроет на это глаза. Единственными, кто мог поведать мне о Бендиксе, были Бром и Катрина, а она по своей воле никогда ничего не расскажет.

Что делать дальше, после разговора, я не знала. Попытаться что-нибудь выяснить об убийце овец? Я содрогнулась, но взяла себя в руки. Ладно, вчера я сломалась, но я все же в близком родстве с Бромом Бонсом. Теперь я знаю, чего ожидать, – и больше не испугаюсь.

От мыслей о Всаднике мой разум отгородился. Не хотела я сейчас думать о нем – и точка.

В столовую я спустилась, продолжая размышлять.

Бром и Катрина, конечно, не захотят, чтобы я влезала в это дело, но я отчего-то чувствовала свою ответственность перед Кристоффелем. При жизни он мне не нравился, но я помнила, каким печальным и жалким выглядело его тело, валявшееся в лесу, как выброшенный мусор. Кто-то должен был позаботиться о нем. Я знала, Бром заинтересован в том, чтобы найти убийцу. Но, разыскивая виновного, он не станет думать о Кристоффеле. Он будет думать о Лощине, о жителях деревни, о предотвращении новой трагедии. И теперь, когда кто-то (*что-то?*) напал на наших овец, Бром точно займется расследованием самолично.

⁷ «Джек и бобовый стебель» – английская народная сказка, в которой из волшебных бобов вырос огромный стебель до неба. – Прим. ред.

А еще – Бендикс. Не забывай о своем отце.

Бром уже завтракал, загребая ложкой возвышающуюся на его тарелке неизменную гору еды. Стол был уставлен блюдами, накрытыми крышками. Катрина совещалась с Лотти насчет обеда. На ее тарелке не было ничего, кроме нескольких хлебных крошек. Уверена, бабушка, вечно озабоченная сохранением своей девичьей фигуры, съела разве что тоненький тост.

Я села, чувствуя себя необычайно скованно. Не могла же я говорить о вчерашних событиях в присутствии Катрины – она пришла бы в ярость, узнав, что я была в лесу возле тела Кристоффеля. И уж точно не следовало ничего обсуждать, пока Лотти находилась в комнате. Катрина сказала бы, что это личное дело, а мы никогда не обсуждали личные дела при слугах.

Она покосилась на меня, когда я села за стол, но ничего не сказала о моем наряде. Ее сдержанность я приписала присутствию Лотти, которая незаметно подмигнула мне.

Зардевшись, я уставилась в пустую тарелку. Лотти, конечно, хотела как лучше. Несомненно. Но это подмигивание означало: все в доме знают, что вчера ночью Бром внес меня в дом на руках, как младенца. Я как-то и не подумала о слугах, и теперь меня беспокоило, что все вокруг станут сплетничать обо мне, перешептываться, рассказывая друг дружке, как я тряслась да дрожала.

Бром хлопнул меня по руке. Я подняла глаза.

– Все в порядке, Бен, – улыбнулся он.

Как обычно, Бром, видимо, понял, о чем я думаю и что чувствую. И, похоже, мое вчерашнее «выступление» вовсе не вызвало у него отвращения.

Так что я принялась снимать крышки с блюд и накладывать себе еду. От сердца отлегло – такой легкости я не чувствовала с тех пор, как мы с Сандером играли в лесу в «соннолощинских». Казалось, это было целую вечность назад, а не вчерашним утром.

Лотти вернулась в кухню. Катрина тут же стала неодобрительно смотреть на мою тарелку и уже открыла рот, чтобы высказаться насчет количества пищи на ней, а мои уши уже готовы были вспыхнуть огнем, но Бром наградил жену каким-то нечитаемым взглядом, и Катрина, не промолвив ни слова, сжала губы так плотно, что они побелели.

Понимая, что держать себе в узде она будет, только пока Бром тут, я, следуя примеру дедушки, приступила к трапезе, быстро-быстро запихивая еду в рот. Если повезет, думала я, можно будет последовать за дедом, когда он отправится в свой ежедневный обход фермы. Тогда я смогу поговорить с ним, избежав заодно бдительного ока Катрины.

Но я управилась лишь с половиной своей порции, когда Бром, отодвинув опустевшую тарелку, встал.

– Я ухожу, любовь моя, – сказал он.

– Ты куда? Можно и мне с тобой? – вскинулась я.

Позже Лотти наверняка разрешила бы мне стащить что-нибудь из кладовки, если я проголодаюсь. Не нужен был мне этот завтрак. Куда более важным казалась возможность поговорить с Бромом.

– Не сегодня, – ответил он. – Мне нужно заглянуть в деревню.

Бром и Катрина обменялись одним из своих тайных взглядов, тех, что порой заключали в себе целый разговор. Что бы ни задумал Бром, он не хотел, чтобы я об этом знала. Или, по крайней мере, этого не хотела Катрина. Значит, поняла я, его дело как-то связано с Кристоффелем или даже с Бендиксом. Если бы я поторопилась, могла бы успеть за Бромом в деревню.

Я быстренько отправила в рот еще пару кусочков, чуть не подавившись сосиской. Ладно, пускай я не могла пойти с Бромом, но покинуть столовую мне хотелось как можно скорее. Не в моих интересах было оставаться в комнате наедине с бабушкой.

Бром поцеловал Катрину на прощание – с какой-то необычной нежностью. Катрина прижала ладонь к щеке Брома, когда он отстранился от нее, и дед замер, словно окаменев. Эти двое тонули сейчас в глазах друг друга.

Отвратительно. Они же старые. Когда они перестанут вести себя как новобрачные?

Хотя вообще-то не такие уж они и старые, напомнила я себе. Брому всего пятьдесят два, Катрине – пятьдесят. Как и большинство обитателей Лощины, они поженились совсем юными – Катрине только-только исполнилось восемнадцать. Как и мои родители...

Значит, Катрина, вероятно, считает, что ты выйдешь замуж через четыре года.

При этой мысли я содрогнулась.

Бром наконец оторвался от Катрины и хлопнул меня по плечу:

– До встречи, Бен.

– Я тоже пойду, – сообщила я, наспех запивая съеденное чаем.

– Куда это? – хором поинтересовались они.

Раньше так спрашивала только Катрина – стремясь сразу после ответа заявить, чтобы я не смела делать то, что задумала. Но с Бромом была совсем другая история. Он никогда не удосуживался проверять, где и с кем я гуляю, и, кажется, никогда не считал, что я могу влипнуть в какие-то неприятности. Мое вчерашнее поведение, похоже, по-настоящему обеспокоило его.

– О, просто пойду поищу Сандера, – соврала я.

Не собиралась я искать Сандера, потому что, хотя у меня и не было пока каких-то конкретных планов, я знала наверняка: мои идеи смутят и встревожат его. Сандер был беспокойным от природы мальчишкой, обладающим к тому же скверной привычкой рассказывать своей матери то, что должно было бы остаться между нами.

– Ты не понимаешь, Бен, – говорил в таких случаях Сандер. – Мама смотрит на меня, и я чувствую, что должен сказать, ведь она видит меня насквозь, и, если я не скажу правду, она будет сердиться еще больше.

– Но это же просто уловка, – убеждала я его. – Все матери так делают – ну и бабушки тоже. Катрина постоянно на мне практикуется.

А я научилась выдерживать взгляд Катрины. И Сандер мог бы научиться выдерживать материнский взгляд – если бы захотел. Он просто недостаточно старался.

Так или иначе, у меня не было никакого желания рассказывать Сандеру о мертвой овце и странном силуэте в поле.

(или о Всаднике)

Ну вот, мысли вновь перескочили на Всадника. А я пока не была готова думать о нем. Но даже когда буду готова, не уверена, что мне захочется поделиться этим с Сандером. Что бы ни произошло вчера ночью – это было наше со Всадником дело.

(это всегда было ваше со Всадником дело)

– Послушай, Бен, – сказал Бром. – Я не хочу, чтобы вы играли в лесу. На ферме, в деревне – пожалуйста, но не в лесу.

– Она вообще ни в коем случае не должна заходить в лес, – встряла Катрина. – Это неподходящее место для юной леди. Не думаю, что тебе следует встречаться сегодня с Сандером. У тебя уроки, которые ты так и не закончила вчера.

Я с немой мольбой посмотрела на Брома. Ну что может быть хуже, чем провести день взаперти в гостиной, тыкая пальцами в клавиши пианино или корпия над крохотными – и чтобы непременно ровными! – стежками.

– О, думаю, Бен вполне может погулять с Сандером, любовь моя, – сказал дед, вняв моему безмолвному крику о помощи. – Я просто не хочу, чтобы они играли в лесу. Хотя бы некоторое время, ладно?

Я кивнула. Это и так не входило в мои планы.

– Обещаешь? – Бром протянул мне ладонь для рукопожатия.

– Обещаю не играть в лесу, – сказала я, и моя ладонь утонула в его лапище.

– Позаботься о Бен, ладно? – прогудел Бром.

Тон его был необычайно серьезным, и я ощутила легкий укол вины. Хотя я не лгала. Я обещала не играть в лесу – ну так я и не собиралась *играть* там. А вот расследовать – это совсем другое. Бром не брал с меня обещания ничего не расследовать, а расследование могло привести меня в лес, но, если так и случится, я не буду виновата.

– Можно мне прогуляться с тобой в деревню? – спросила я Брома.

– Я отправлюсь верхом, – ответил он. – Можешь поехать со мной.

Сидя на лошади, я не смогу поговорить с Бромом, подумала я. Но шансов еще когда-нибудь прокатиться с ним у меня немного, потому что я все расту и расту и вскоре уже не помещусь в седло за его спиной.

Катрина проводила нас до порога, где у крыльца конюх уже ждал Брома с Донаром в поводу, так что возможности заговорить о Кристоффеле у меня не было.

Бром взлетел в седло, протянул руку и втащил меня за собой. Я обняла его и прижалась щекой к его спине. Только рядом с Бромом я чувствовала себя в полной, абсолютной безопасности. Только рядом с Бромом – и нигде больше.

Опа пришпорил Донара, и конь разом рванул галопом, потому что любой другой аллюр Бром считал напрасной тратой времени. Я крепко держалась, слушая, как копыта Донара стучат по грунтовой дороге, ведущей от фермы к деревне.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Не думай о Всаднике.

Справа от дороги тянулись леса, с другой стороны на многие мили раскинулись земли ван Брунгов – поля, на которых зрел, дожидаясь уборки, богатый урожай. За нашей фермой было еще несколько ферм поменьше, но все они были обращены к лесу. Леса подступали к Лощине с одной стороны, так что любому приближающемуся к деревне приходилось либо обходить их, либо идти напрямик сквозь чащу.

Лес всегда служил мне игровой площадкой, местом, где я предавалась мечтам. Сегодня он выглядел серым и зловещим – тайной обителью существ, которых не должно быть на свете.

То странное создание, которое склонилось над овцой, – оно, должно быть, пришло из леса.

Я вспомнила, как мне показалось, будто оно прошептало мое имя, а еще вспомнила, как сошла с тропы – и услышала все те жуткие голоса, зовущие меня.

Явилось ли это существо, кем бы или чем бы оно ни было, из того места за тропой в чаще? Места, которого боятся все в Лощине?

Никто из жителей Лощины никогда не ходил дальше места, где прерывалась тропа. Там начиналось царство существ, которых мы не хотели тревожить. Если моя версия была верна, размышляла я, если силуэт с горящими глазами пришел из глубины леса, то почему он появился сейчас? Кто-то потревожил его? Кто-то потревожил Всадника?

(Не думай о Всаднике.)

Мы миновали кладбище на окраине деревни – невысокий холм, усеянный каменными плитами. Здесь покоились и мой отец, и моя мать. Мне хотелось, чтобы Бром ехал немного медленнее, и я могла бы спросить его о Бендиксе. Возле кладбища стояла церковь, крепкое кирпичное здание, способное выдержать суровые зимы нашего края. А чуть дальше церкви и кладбища бежал ручей, берега которого соединял деревянный мосток, тот самый, по которому Икабод Крейн безуспешно пытался убежать от Всадника без головы.

Когда мы добрались до деревни, Бром, придержав коня, перешел на легкий галоп. Сонная Лощина представляла собой одну улицу, по обе стороны которой стояли самые разнообразные (по величине и материалам) дома, хотя большинство из них все-таки были одно- и двухэтажными деревянными строениями. Первые этажи занимали конторы и лавки, над которыми обычно проживали их владельцы с семьями. А иногда квартиры располагались не на втором этаже, а в пристройке позади здания.

С момента основания в Сонной Лощине мало что изменилось. Деревня как будто застыла внутри мыльного пузыря – а может, ее сковывали какие-то чары, потому она и оставалась все той же, не росла и не преображалась. Чужаки сюда заглядывали нечасто, а если и приходили, то редко задерживались надолго. Любой пришелец был подобен соринке в глазу Лощины, и жители деревни терли этот глаз до тех пор, пока соринка не выходила.

Полагаю, так и случилось с учителем-журавлем. Он пришел в Лощину, не смог найти себе места, вот и был *убран*.

Всадником.

(Нет, не Всадником. Бром говорил, учитель просто внезапно уехал.)

Бром не верит во Всадника. Бром не слышал стука копыт его лошади прошлой ночью.

Скача по улице, Донар легко огибал повозки и прохожих. Перед нотариальной конторой Бром остановил жеребца. На секунду я удивилась зачем, а потом вспомнила: я же сказала Брому и Катрине, что собираюсь найти Сандера. Мой друг, наверное, был наверху, помогал матери, присматривал за младшей сестрой или читал. Чтение, как ни странно, относилось к числу его любимых занятий.

«Проклятье, – подумала я, используя одно из словечек Брома. Катрина, узнав, что я бранюсь, вымыла бы мне рот с мылом. – Теперь придется звать Сандера выйти, а потом искать способ, как от него избавиться. Хотя, если повезет, он вообще не захочет выходить. Если читает – точно не захочет».

Я не могла понять, как может кто-то торчать дома с книгой, когда вокруг столько деревьев, по которым можно лазать, но Сандер всегда говорил, что в книгу он уходит куда дальше, чем я когда-либо уходила на своих двоих.

– Спасибо, опа. – Я довольно неуклюже соскользнула с широкой спины Донара.

– Увидимся за обедом, – кивнул дед и прищпорил коня.

Я подумывала было, не последовать ли за ним и посмотреть, куда он отправился, но потом решила, что у меня не получится провернуть это так, чтобы Бром не заметил. Однако сейчас я вполне могла улизнуть, и Сандер даже не узнал бы, что я вообще тут была.

И я рванула прочь от нотариальной конторы, в сторону, противоположную той, куда ускакал Бром. Кажется, меня никто не заметил. Я сунула руки в карманы и опустила пониже голову, избегая взглядов взрослых, шагающих мне навстречу. У меня возникла смутная идея вернуться туда, где нашли тело Кристоффеля. Возможно, там, в лесу, могли бы найтись какие-нибудь подсказки, зацепки, улики. Вчера никто из поискового отряда особо не присматривался к окрестностям.

Ну и какие улики, по-твоему, мог оставить этот монстр? Если это был тот же, кто убил овцу...

Бром считал, что Кристоффеля убил человек. Значит, следовало действовать упорядоченно, опираясь на логику. Во-первых, нужно было проверить, не оставил ли убийца каких-нибудь следов. А если не обнаружу следов, буду искать признаки того, что с Кристоффелем расправилось нечто потустороннее, решила я.

А что, если ты столкнешься с тем существом?

– Я Бен ван Брунт, – сказала я себе. – Я ничего не боюсь.

Я уже почти добралась до края деревни, когда услышала, как кто-то меня позвал:

– Бен ван Брунт!

Мальчишеский голос. И я узнала его, даже не оборачиваясь. Голос Юстуса Смита.

Закатив глаза, я развернулась, ожидая увидеть Юстуса в окружении его прихвостней. И действительно, по обе стороны от Смита стояли двое мальчишек нашего возраста. Их имен я не знала. Я ведь не ходила в деревенскую школу и потому не всех помнила в лицо.

– Что? – Я очень старалась, чтобы мой голос прозвучал максимально равнодушно.

Юстус направился ко мне. Намерения его были яснее ясного. Пускай Юстус был глуп как пробка, он все-таки обладал немалой силой – благодаря тому, что помогал своему отцу в кузнице. И все же он был ниже меня, ниже и неповоротливее, и еще никогда ему не удавалось победить меня в драке.

– Твой дед распространяет слухи о моем отце, – заявил он. – Говорит, что мой отец дурак, что он затаил злобу на этих тупых дикарей.

– И?

Никаких слухов Бром точно не распространял – скорее уж, наоборот, пытался остановить тот идиотизм, который старательно разносил повсюду Дидерик Смит.

– И нет у него на это права! Пусть твоя семья и самая богатая в округе – это не значит, будто ты можешь говорить и делать все, что тебе вздумается!

Обычно я как-то не задумывалась о том, что мы богатые, хотя знала – это правда. Бром, как правило, вкладывал бо`льшую часть денег в ферму, и никто из нас не одевался слишком роскошно.

Я пожала плечами. Не хотелось мне тратить время на жалкие споры с Юстусом Смитом. Он напрашивался на драку, а я была что-то не в настроении.

– Ну и что, по-твоему, мне следует предпринять по этому поводу? – спросила я.

Он не ответил, просто стоял, набычившись и стиснув кулаки. Он был зол – и не знал, что с этим делать и что сказать. Я собралась, приготовилась отразить неминуемый удар, одновременно поглядывая на приятелей Юстуса. Паршивец наверняка велел им держать меня, пока он будет бить.

– Ну? – повторила я.

Юстус взвыл противным голосом и ринулся на меня, как разъяренный бык. Я отскочила в сторону и выставила ногу, так что противник споткнулся и полетел с дощатого тротуара в грязь.

Я прыгнула с дорожки прямо на спину врага, коленями прижала руки Юстуса к его бокам, ухватила его за волосы и рванула на себя – голова его запрокинулась. Юстус заорал от боли и унижения. Я знала, не существовало ничего хуже для таких, как он, чем быть побитым девочкой.

– Думаю, тебе лучше забрать своих дружков и поискать себе другое занятие.

– Сучка! Сучка! – завопил Юстус. – Тупая сучка ван Брунт!

Я ткнула его лицом в грязь. Не следовало ему использовать это слово, тем более в отношении меня. Честно говоря, меня несколько шокировало то, что он вообще осмелился брякнуть такое. Под самым его подбородком валялось конское яблоко, и когда я придавила его голову, то понаделась, что он набил себе им полный рот.

– Как ты меня назвал? – Я нажала на его затылок посильнее.

Юстус издал какой-то невнятный звук.

– Бенте ван Брунт! – раздался вдруг потрясенный женский голос.

Я подняла взгляд и увидела Сару ван дер Бейл, одну из приятельниц Катрины – с расширенными, полными ужаса глазами. Дружки Юстуса унесли в тот самый момент, когда я поставила их вожаку подножку. Очевидно, того, что я могу дать им отпор, они не учли.

– Немедленно слезь с этого мальчика! – потребовала дама.

– Нет, – буркнула я.

Я не обязана была слушаться Сару ван дер Бейл. Она, конечно, доложит все Катрине, и бабушка, несомненно, накажет меня, но я не собиралась подчиняться никому, кроме своих домашних.

– Он пытался напасть на меня и теперь расплачивается.

Юстус подо мной задергался, как лошадь, пытающаяся сбросить наездника, но я навалилась на него, наклонилась к его уху и прошептала так, чтобы Сара ван дер Бейл, эта назойливая кумушка, лезущая не в свои дела, не услышала:

– Надеюсь, этот случай поможет тебе пересмотреть свое отношение ко мне в будущем.

Прозвучало это совсем по-взрослому – и в то же время слегка угрожающе.

Теперь можно было и приподнять голову Юстуса, чтобы услышать ответ.

– Чертова сука! Я до тебя доберусь!

Вздохнув, я снова ткнула его носом в землю.

– Очевидно, нам придется продолжать, пока ты не усвоишь урок. И пока не научишься выбирать выражения.

– Бенте! – вновь воскликнула Сара.

Зашуршали юбки: женщина приблизилась, но меня это не беспокоило. Она была недостаточно сильна, чтобы оторвать меня от Юстуса. Но очень хотелось, чтобы она ушла. Не желала я слушать ее блеяние. Чем больше она вопила, тем больше внимания привлекала к нам.

Конечно, мы были на окраине деревни и проходим рядом покуда не наблюдалось, но рано или поздно кто-нибудь нас заметил бы. И этот кто-нибудь мог даже пойти и привести Брома.

Хотя сомневаюсь, что Бром предпринял бы что-нибудь в такой ситуации.

Я ухмыльнулась. Бром твердо верил: если ты не можешь защититься в драке – это твоя проблема. Он точно не станет бранить меня за то, что я не позволила Юстусу избить себя.

Сара остановилась прямо передо мной.

– Отпусти мальчика, Бенте ван Брунт.

– Неважно, сколько раз вы повторите мое имя, я все равно не послушаюсь, – огрызнулась я. – Он пытался напасть на меня с двумя своими друзьями. Трое на одного – это, по-вашему, честно?

И я одарила ее самым чистым, самым простодушным взглядом. Хотя эффект несколько подпортило то, что Юстус беспрестанно извивался, пытаюсь вырваться из моей хватки. Я сильнее вцепилась в его волосы, и он взвыл.

– Что-то не похоже, – фыркнула Сара. – По мне, так ты просто издеваешься над бедным ребенком. Я не раз говорила твоей бабушке, что ей нужно серьезно заняться тобой, приструнить тебя, но дед позволяет тебе носиться повсюду, точно дикарке. А почему бы и нет? Он, будучи мальчишкой, вел себя так же, как и твой отец, но ты-то девочка, и подобное поведение не пристало леди.

Я слушала вполуха, потому что не раз уже была объектом точь-в-точь таких же нотаций от Катрины, но когда Сара дошла до слов «подобное поведение не пристало леди», я посмотрела на нее:

– Я не леди. Я никогда не буду леди. А теперь уходите, Сара ван дер Бейл. Мне нужно уладить дела с мастером Смитом.

Лицо Сары побагровело, и я сморщила нос. Сейчас она завопит.

Как же это раздражает.

Взрослые не должны вмешиваться в ссоры между детьми.

– Я все видел, – раздался за моей спиной мужской голос.

Я обернулась. В нескольких шагах от меня стоял Шулер де Яагер, один из старейших обитателей Лощины. Стоял он, опираясь на тяжелую палку, с которой ходил повсюду. Его седые, слишком длинные волосы по обыкновению торчали во все стороны, что придавало ему вид сумасшедшего, хотя голубые глаза смотрели спокойно и ясно. Кажется, он старался не улыбаться, глядя на нас. Что-то в его внешности смутило меня, хотя я и не поняла, что именно.

– Что вы видели, минхер Яагер? – фыркнула Сара.

Шулер де Яагер подошел ближе и указал пальцем на Юстуса Смита, который, похоже, тотчас смирился со своей судьбой. Во всяком случае, он прекратил извиваться. Но я не расслаб-

лялась. Понятно же, что Юстус выжидает, когда я потеряю бдительность, чтобы поменяться со мной ролями, – чего я позволять не собираюсь.

– Этот парень и его приятели напали на юную Бен, – объяснил Шулер. – Она лишь защищалась, хотя, полагаю, мастер Смит на сегодня вдоволь наелся лошадиного дерьма, а?

И Шулер бросил на меня взгляд, очень похожий на заговорщический взгляд Брома. Задумавшись на миг, я кивнула и прыгнула с Юстуса. Свою точку зрения до сына Дидерика Смита я донесла. Теперь неплохо было бы отойти от Юстуса на шаг-другой, чтобы он не схватил меня за ноги и не опрокинул. Как-то не горела я желанием кувыркаться.

Юстус еще лежал пару секунд, очевидно ошеломленный освобождением. Сара протянула ему носовой платок – с таким благостно-материнским видом, что меня затошнило. Это нечестно, подумала я, что она изливает все свое сочувствие на этого хулигана.

– О, дай-ка я тебя вытру... – начала она, но Юстус оттолкнул ее руку и вскочил на ноги. Вся нижняя половина его лица, от носа до подбородка, была вымазана конским навозом.

– Не трогай меня, старая карга! – рявкнул он и ринулся прочь – мимо Сары, к лесу, на ходу задев ее плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.